

О.А. ВАЛЬКОВА

ШТУРМУЯ
ЦИТАДЕЛЬ НАУКИ

ЖЕНЩИНЫ-УЧЕНЫЕ
РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Новое
Литературное
Обозрение

И С Т О Р И Я Н А У К И

В книге рассмотрен процесс постепенной интеграции женщин в сферу профессиональной научной деятельности в России с конца XVIII века и на протяжении всего XIX века, захватывавший с течением времени все большее количество участниц.

Ольга Валькова

**Штурмуя цитадель
науки. Женщины-ученые
Российской империи**

«НЛО»

Валькова О. А.

Штурмуя цитадель науки. Женщины-ученые Российской империи /
О. А. Валькова — «НЛО»,

ISBN 978-5-4448-1058-3

Монография О.А. Вальковой посвящена истории научной деятельности женщин в Российской империи в период с конца XVIII и до начала XX века включительно. В книге рассмотрен процесс постепенной интеграции женщин в сферу профессиональной научной деятельности в России с конца XVIII века и на протяжении всего XIX века, захватывавший с течением времени все большее количество участниц. Какие формы и виды принимала в этот период научная работа женщин? Какие законодательные акты влияли на нее? Какие существовали способы взаимодействия женщин-любительниц наук с профессиональным научным сообществом? Как относились широкие слои образованного общества к женщинам-ученым и их занятиям? Эти и многие другие вопросы поднимаются в книге. Исследование основано на обширном круге исторических источников, прежде всего архивных, впервые вводимых в научный оборот. Автором был также найден и использован уникальный, ранее неизвестный статистический материал, характеризующий российских женщин, занимавшихся естественными науками во второй половине XIX — начале XX века. О. А. Валькова — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН.

ISBN 978-5-4448-1058-3

© Валькова О. А.

© НЛО

Содержание

Предисловие	6
Часть 1	8
Глава 1	8
Глава 2	27
Глава 3	35
Глава 4	46
Конец ознакомительного фрагмента.	55

О. А. Валькова

Штурмующая цитадель науки: женщины-ученые Российской империи

Предисловие

До настоящего времени в нашем обществе сохранилось немало предрассудков, определяющих модель социального поведения женщины, в том числе устойчивые представления о том, что является и что не является «женским делом» и (или) достойным занятием (образом жизни) женщины. Даже наоборот, некоторые из этих клише, побледневшие и, казалось, почти забытые за время активной феминистской пропаганды XX века (хоть ее так никогда и не называли в СССР), в последние годы вновь возникли и усиленно обсуждаются и пропагандируются в средствах массовой информации. Они безусловно влияют на стандарты воспитания подрастающих поколений, как девочек, так и мальчиков, ориентацию и жизненные приоритеты молодых женщин, парадигмы поведения людей в семье и обществе. Тем не менее даже поверхностное сравнение сферы возможной (и обычной) для женщины деятельности, жившей, например, в середине XVIII века, и нашей современницы (с экономической, юридической, моральной и социальной точки зрения), деятельности, которая разрешается, поддерживается и допускается (если не одобряется) обществом, выявит поразительные отличия. Всего за двести пятьдесят лет (срок очень маленький по историческим меркам) в некоторых отношениях положение женщины изменилось кардинально, а ее возможности значительно расширились. И прежде всего это касается интеллектуальных сфер деятельности, поскольку, насколько нам известно, никто никогда не протестовал против занятия женщин тяжелым физическим трудом, будь то в сфере сельского хозяйства, обслуживания или ремесла (по крайней мере до начала Новейшего времени). Хотя, конечно, некоторая специализация и разделение женских и мужских обязанностей и профессий безусловно существовали и в области физического труда, но сам факт того, что женщина может и должна им заниматься, общество не оспаривало. Крестьянки, служанки, прачки, ткачихи... общество не считало, что эти занятия не подобают женщине, противоречат ее физиологии, отвлекают ее от заботы о семье и способствуют падению уровня нравственности в обществе. Совсем другое дело – умственный труд. Для того чтобы отвоевать себе право зарабатывать на жизнь не только тяжелым, вредным для здоровья, а зачастую и опасным физическим трудом, разумеется плохо и крайне мало оплачиваемым, потребовались те самые двести пятьдесят лет, о которых мы упомянули выше. И если с точки зрения глобального исторического процесса подобный срок – это сущий пустяк, то с точки зрения жизни человека – это жизни более десяти поколений, потраченные на достижение одной цели. А это уже совсем, совсем не мало. Хотя опять-таки, как мы уже упоминали, даже сегодня найдутся люди (и мужчины, и женщины), отрицающие подобное право женщины, причем их аргументы, как правило, не отличаются от тех, которые можно было услышать лет сто пятьдесят тому назад.

Научная деятельность представляет собой всего лишь одну из разновидностей интеллектуального труда, в праве на который общество отказывало представительницам женского пола не только в XVIII, но и в XIX веке и которая в настоящее время является вполне привычным и для них, и для самого общества видом деятельности. По данным современных исследователей, к 80-м годам XX века женщины составляли около 40 % научных сотрудников Российской Федерации¹. Если учесть, что в первый год XX века по законам Российской империи

¹ Агамова Н. М., Аллахвердян А. Г. Российские женщины в науке и высшей школе: историко-научные и науковедческие

женщины не имели права поступать в университеты империи, получать научные степени и звания, а также занимать должности научных сотрудников в государственных учреждениях, то можно с уверенностью утверждать, что перемена, произошедшая в XX веке в сфере профессионально-научной занятости женщин в России, была стремительной по историческим меркам. Однако, как свидетельствует опыт исторического развития, подобные перемены не происходят, как правило, одномоментно: подготовительные процессы, приводящие к ним, могут протекать в течение предшествующих десятилетий и даже столетий.

Именно таким был процесс постепенной интеграции женщин в профессиональную научную деятельность, процесс, занявший около двухсот лет. Изучение истории превращения блестящей и элегантной дамы-аристократки, любительницы и покровительницы наук, которую можно было иногда встретить на заседании Академической конференции в XVIII веке, в строго одетого и делового доктора наук, профессора и руководителя научно-исследовательского учреждения, которую можно было найти в коридорах научных институтов уже в первой четверти века XX, является целью настоящего исследования. Несомненно, нельзя не признать, что слом устоявшихся стереотипов и моделей социального поведения людей – один из сложнейших и интереснейших для изучения исторических процессов, происходящих в обществе. Тем более слом поведенческих стереотипов женщины (и восприятия происходящих изменений обществом как таковым), поскольку этот конкретный процесс затрагивает жизнь всех без исключения людей, влияя в том числе и на повседневную жизнь наших современников. Тем более странно, что ранее в отечественной историографии подобные попытки не предпринимались. В имеющихся же немногочисленных исследованиях появление в России первых профессиональных женщин-ученых часто относят уже ко второму десятилетию XX века, что, безусловно, не соответствует действительности. В несколько более многочисленных работах, посвященных истории высшего женского образования в России, стремление к которому ярко проявилось среди российских женщин с конца 50-х – начала 60-х годов XIX века, существует традиция связывать воедино историю высшего женского образования и историю профессиональной научной деятельности женщин, что также не выдерживает проверки фактами, по крайней мере в том, что касается 60–80-х годов XIX века.

Итак, в книге, которую вы держите перед собой, впервые в историографии отечественной истории науки предпринята попытка проследить удивительную метаморфозу ученой дамы в доктора наук и члена-корреспондента Императорской академии наук; изучить процесс постепенной интеграции российских женщин в ряды профессионального научного сообщества, неспешно протекавший в России с конца XVIII и вплоть до начала XX века; написать историю российских женщин-ученых, историю, в которой были свои герои, свои победители и неудачники, мученики и злодеи; написать историю штурма крепости, стоящей на высоченном утесе и казавшейся неприступной, насмешливо манившей издали светом своих огней, но тем не менее поддавшейся многолетней осаде, отчаянным и безумным штурмам и в конце концов распахнувшей свои двери перед желающими войти...

Часть 1

Женщины – любительницы наук в России в конце XVIII – первой половине XIX века

Глава 1

Дамы – любительницы наук в России в XVIII веке – миф или реальность?

*Я еще повторю, упражняйтесь в науках! Матери, внушайте дочерям своим вкус к ним с самых нежных лет.
Господин Гартиг. Рассуждение о женщинах, и о выгодах, которые получили бы они от упражнения в науках. 1793 г.*

Сведения, которыми мы сегодня располагаем о российских женщинах, увлекавшихся, интересовавшихся и тем более систематически занимавшихся естественными и математическими науками во второй половине XVIII века, очень скудны. Однако в исторической литературе XIX века бытовало мнение, что женщины, имевшие подобные интересы, не только существовали, но что число их было не так уж мало. Например, в 1895 г. писатель Владимир Осипович Михневич (1841–1899), посвятивший целую главу своей книги «Русская женщина XVIII столетия» «писательницам и ученым», заявлял: «В течение означенного периода мы встретим не мало женщин-писательниц *и даже ученых*², – и далее объяснял характер их занятий следующим образом: – Но все они упражняются в сочинительстве, в науках и искусствах не по профессии, а исключительно, как “любительницы”-дилетантки. Это все хорошо обеспеченные барыни, прекрасно образованные, начитанные, нередко талантливые, исполненные искренней любви к науке³, к литературе и искусству, но занятия сими последними – для них не более, как забава, развлечение или предмет суетного тщеславия. Тут нет места ни системе, ни серьезным целям, ни сознанию общественного долга, как не может быть им места во всякой личной, хотя бы и очень изящной и остроумной прихоти. Оттого-то так тощи и ничтожны в итоге плоды умственно-художественной производительности русской образованной женщины за времена минувшие». И после небольшого отступления продолжал: «Труда⁴, именно, и не хватало предшествовавшим поколениям русской образованной женщины, пробовавшей свои творческие силы на поприще литературы, науки и искусства! Мы говорим о *профессиональном*⁵ труде, подчиняющемся духовным потребностям общества и одушевленному общественными идеалами. Отсутствие такого труда низводит самое прилежное, самое утонченное занятие наукой и искусством на степень эстетического переливания из пустого в порожнее. К сожалению, таков был, в большинстве случаев результат женской производительности в упомянутой области до последнего почти времени»⁶. (Заметим в скобках, что единственное исключение В. О. Михневич делал для актрис, труд которых он также признавал интеллектуальным и весьма выдающимся⁷.)

² Курсив наш. — О. В.

³ Курсив наш. — О. В.

⁴ Курсив автора. — О. В.

⁵ Курсив автора. — О. В.

⁶ Михневич В. О. Русская женщина XVIII столетия. М., 1990 (репринтное издание 1895 г.). С. 242–243.

⁷ Там же. С. 243.

К сожалению, В. О. Михневич, кратко перечислив нескольких писательниц, переводчиц и поэтесс, деятельность которых с тех пор многократно изучалась, назвав несколько известных светских дам – покровительниц наук и художеств, также неоднократно привлекавших внимание исследователей, не назвал *ни одного* имени женщины-ученой, кроме, конечно, Е. Р. Дашковой. Таким образом, не очень понятно, на чем же основывалось его утверждение о большом количестве женщин-ученых в России второй половины XVIII века и на основании чего он давал такую детальную характеристику их социального положения, уровня образования и, главное, характера занятий науками. Возможно ли, что В. О. Михневич ошибался или дал волю писательской фантазии? Посмотрим на этот предмет несколько подробнее.

13 октября 1717 года по личному приглашению Петра I прибыла в Петербург Доротея Мария Генриетта Графф (1678–1743), дочь знаменитой художницы, путешественницы, энтомолога Марии Сибиллы Мериан (1647–1717). Она получила место преподавателя в Фигурной палате Академии наук, обучая первых российских граверов и художников рисованию и живописи, но этим не ограничивался круг ее деятельности. Доротея Мария ухаживала за своей знаменитой матерью в последние годы ее жизни. Она же была распорядителем ее наследства, прежде всего научного. Как пишет биограф Марии Сибиллы Т. А. Лукина, «своей главной задачей она сочла завершение третьей части “Книги о гусеницах”. Мария Сибилла в последние годы жизни была особенно заинтересована в этой работе, так как хотела включить в нее свои новые наблюдения и исправить вкравшиеся ошибки. Книга вышла в свет в год смерти ее создательницы. На титульном листе значилось: “Третья и последняя часть “Происхождения и питания гусениц” Марии Сибиллы Мериан. Приложение содержит некоторых суринамских насекомых. Их наблюдала ее старшая дочь Иоганна Елена Херолт во время пребывания в Суринаме. Все вместе нарисовала и издала в свет младшая дочь Доротея Мария Хенрика”. Пятьдесят гравюр этой части были выполнены по рисункам Марии Сибиллы. Ею же был написан и пояснительный текст»⁸. В России Доротея Мария помимо преподавания рисовала экспонаты Кунсткамеры, в основном птиц. Она многое сделала для развития музейного дела в нашей стране. «То, что дочь Марии Сибиллы без колебаний согласилась переселиться в далекую, не известную ей страну, в город, который только еще строился, подтверждает ее смелость и решительность, – пишет Лукина. – Она была достойна своей матери. Доротея Мария, или “Гзельша”, считалась в стенах Петербургской Академии авторитетом не только в вопросах художеств, но и во всем, что касалось Южной Америки: ведь, подобно своей матери, она побывала там среди первых исследователей Суринама, первооткрывателей его животного и растительного мира (более ранние исследователи Южной Америки, жившие в России, неизвестны)»⁹. По имеющимся на сегодняшний день сведениям, Доротея Мария Графф являлась первой женщиной, принятой на службу в Петербургскую Академию наук. Второй стала через шесть с лишним десятилетий княгиня Е. Р. Дашкова.

В одном В. О. Михневич был, безусловно, прав: говоря о женщинах, интересовавшихся наукой в последние десятилетия XVIII века, никак нельзя обойти молчанием деятельность светлейшей княгини Екатерины Романовны Дашковой (1743–1810). Директор Петербургской академии наук (1783–1796), создатель и президент Российской Академии (1783–1796), она давно и с полным правом признана выдающимся организатором науки своего времени¹⁰. Из собственных записок княгини широко известны ее увлечения философией, музыкой, архитектурой, художественной литературой. Однако сведений о ее отношении к естественным и точным наукам (здесь мы имеем в виду личный интерес к естествознанию) почти нет, да и исследо-

⁸ Лукина Т. А. Мария Сибилла Мериан. 1647–1717. Л.: Наука, 1980. С. 123.

⁹ Там же. С. 149–150.

¹⁰ Подробнее об этом см.: Лозинская Л. Я. Во главе двух академий. М.: Наука, 1978. 144 с.; Смагина Г. И. Сподвижница Великой Екатерины: (очерки о жизни и деятельности директора Петербургской Академии наук княгини Екатерины Романовны Дашковой). СПб.: Росток, 2006. 359 с. и др.

ватели жизни и творчества Е. Р. Дашковой не обращали особого внимания на этот вопрос. Тем не менее отдельные замечания, разбросанные по страницам «Записок» княгини, позволяют предположить, что и эта сфера человеческого знания входила в круг ее интересов. Рассказывая, например, о своем пребывании в Брюсселе во время второго заграничного путешествия (1775–1782), она пишет: «Каждое утро мы отправлялись с доктором Бюртенем в окрестности города и составляли гербарий из растений, не виданных мною у нас»¹¹. Во Флоренции она осматривала не только картинную галерею, церкви, библиотеки, но и «великогерцегский кабинет естественной истории». И не просто осматривала, поскольку, по ее словам, «его королевское высочество приказал дать мне все дублеты, которые я пожелаю иметь, вследствие чего я получила много окаменелостей и не только местных, но со всего земного шара...»¹². Описывая собор города Пизы, Е. Р. Дашкова отмечает: «*Любитель естественной истории*¹³ заметит, что одна из маленьких колонн, поддерживающих кафедру, составлена из кусочков разных сортов порфира, соединенных между собой пастой из простого порфира»¹⁴. Во время пребывания в Вене Екатерина Романовна посещает императорский музей, причем замечает, что император Иосиф «... мне предложил выбрать из его кабинета какие угодно дублеты и простился со мной, заявив, что, зная мою любовь к естественным наукам, не решается дальше отнимать у меня драгоценное время», – чем Е. Р. Дашкова не преминула воспользоваться: «Я выбрала кое-какие образцы минералов Венгрии и других провинций», – пишет она¹⁵. В Праге княгиня купила «очень дешево» «коллекцию окаменелостей различных пород деревьев и образцы мрамора»¹⁶. Таким образом, можно с уверенностью сказать, что как сама Е. Р. Дашкова, так и окружающие причисляли ее к «любителям наук» и что собирание естественно-научных коллекций, несомненно, было одним из ее увлечений. Правда, основываясь на материале «Записок», трудно определить глубину этого интереса, поскольку приведенные нами упоминания отрывочны. Кроме того, известно, что Е. Р. Дашкова совершала свое путешествие с целью завершить образование сына (во всяком случае, так она заявляла), так что посещение естественно-научных музеев и кабинетов могло быть частью образовательной программы, составленной ею для сына, а отнюдь не данью собственным увлечениям. Можно ли с полным правом назвать Е. Р. Дашкову «натуралистом», как это делает в своей работе Л. Я. Лозинская¹⁷? Было ли ее занятие коллекционированием всего лишь данью моде? В нашем распоряжении недостаточно фактов, чтобы ответить на эти вопросы. Однако некоторые факты, подтверждающие мнение Л. Я. Лозинской, все-таки имеются. Так, в 1783 году, заняв пост директора Академии, Е. Р. Дашкова стала инициатором чтения академиками бесплатных популярных курсов математики и естественной истории (1785–1802). Современные исследователи очень высоко оценивают их, относя к числу «крупнейших просветительских начинаний, осуществленных Е. Р. Дашковой в Академии наук»¹⁸. Рассказывая об этом начинании, Е. Р. Дашкова писала: «Я часто присутствовала на лекциях...»¹⁹ Также не раз и не два на страницах своих «Записок» Е. Р. Дашкова упоминает сады, в создании которых она принимала непосредственное участие. В ее собственном саду, распланированном ею, «каждое дерево и каждый куст были посажены» по ее выбору и на ее глазах²⁰. По просьбе брата, А. Р. Воронцова, она занималась планировкой

¹¹ Дашкова Е. Р. Записки. 1743–1810. Л.: Наука, 1985. С. 106.

¹² Там же. С. 114.

¹³ Курсив наш. — О. В.

¹⁴ Дашкова Е. Р. Указ. соч. С. 115.

¹⁵ Дашкова Е. Р. Указ. соч. С. 129.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Лозинская Л. Я. Указ. соч. С. 3.

¹⁸ См.: Смагина Г. И. Указ. соч. С. 95.

¹⁹ Дашкова Е. Р. Указ. соч. С. 149.

²⁰ Там же. С. 157, 180, 199 и др.

и обустройством его сада и пр.²¹ Помимо этого Е. Р. Дашкова вскользь замечает, что имела «некоторые познания в медицине»²². Таким образом, подводя краткий итог, можно сказать, что княгиня Е. Р. Дашкова занималась собиранием естественно-научных коллекций, причем в создании некоторых (например, гербариев) принимала личное участие. За границей она посещала естественно-научные музеи и кабинеты, а в России – академические лекции по математическим и естественным наукам и несомненно увлекалась садоводством. Все это подразумевает, что она имела достаточно широкий кругозор в области естественных наук.

Рис. 1. Портрет княгини Е. Р. Дашковой. 1808 г. Неизвестный художник с оригинала 1790-х гг.

Однако для нашего исследования важен ответ на вопрос: насколько типичными для своего времени или, наоборот, нетипичными были познания и увлечения княгини Е. Р. Дашковой? В своих «Записках» Е. Р. Дашкова как-то упоминает церемонию раздачи премий в Академической конференции: «День, назначенный для раздачи премий, был объявлен заранее в газетах, и публики собралось очень много. Были иностранные министры и даже дамы...» – пишет она²³. Было ли появление «дам» в Конференции Академии событием чрезвычайным,

²¹ Там же. С. 179.

²² Там же. С. 197.

²³ Там же. С. 157.

вполне заслуживавшим эпитета «даже»? Трудно сказать. Е. Р. Дашкова, по ее собственным словам, «не любила появляться в научных конференциях»²⁴, так могла ли она знать о том, кто там бывал регулярно? Вполне возможно. К сожалению, из отчетов академиков, читавших публичные лекции, нельзя понять, посещали ли их женщины. Никто из них об этом не упоминает, так же как и сама княгиня²⁵.

Однако при внимательном изучении литературных источников можно встретить отрывочные и мимолетные упоминания о современницах княгини Е. Р. Дашковой, так или иначе проявивших свой интерес к естественным наукам. Например, в № 13 «Дамского журнала» за 1830 год в рубрике под названием «Материалы для истории русских женщин-авторов» появилась краткая информация о сестрах, княжнах Анне Михайловне (впоследствии – Грессер, 1776 (?) – 1827) и Екатерине Михайловне (впоследствии – Кожина, 1777–1834) Волконских, дочерях бригадира князя М. П. Волконского, опубликовавших в 1792 г. выполненный ими перевод книги «Рассуждения о разных предметах природы, наук и художеств»²⁶. К этому времени в русской литературе уже были известны имена нескольких дам и девиц переводчиц. Но никто из них раньше, кажется, не обращал внимания на научную и научно-популярную литературу. «Рассуждения о разных предметах природы, наук и художеств» представляли собой в соответствии с современной терминологией «книгу для чтения» или, можно сказать, хрестоматию, содержащую отрывки из сочинений по естественным наукам, астрономии, письму и книгопечатанию, а также из политических и «моральных» наук. Как замечал анонимный автор «Дамского журнала»²⁷, сестры перевели и напечатали «весьма полезную для Натуральной Истории книгу... <...> Профессор Озерецковский²⁸ и многие другие из наших ученых естествоиспытателей отдавали всю должную справедливость счастливому выбору переводчиц и хвалили самый перевод их, не затрудненный даже и при технических выражениях – науки, столь много замечательной, в особенности под пером женщины!»²⁹ Чем был вызван выбор княжон Волконских: личным интересом, желанием угодить кому-то из родственников и друзей, случайностью – неизвестно. Однако, как заметил в 1874 году писатель и историк Даниил Лукич Мордовцев (1830–1905) в книге «Русские женщины нового времени», «надо отдать честь этим девушкам, что их не остановила трудность такой работы, как перевод ученого и весьма капитального в то время сочинения»³⁰. Д. Л. Мордовцев счел необходимым добавить от себя несколько слов по поводу «ученой терминологии», которая «была несравненно менее установлена и выработана, чем в настоящее время: известно, как ученая терминология и теперь затрудняет наших современных переводчиков и переводчиц», – писал он³¹. Автор «Дамского журнала» передал также слова, якобы сказанные по поводу работы сестер Волконских Д. И. Фонвизиним некоему приятелю: «Прочти перевод княжен Волконских; его скоро напечатают, и ты увидишь, что при изображении моей *последней Софьи* я еще весьма мало задал ей учености: наши Россиянки начали уже и сами знакомить нас с Бонетами³² и Бюффонами»³³. Вообще,

²⁴ Там же.

²⁵ См.: Материалы об организации и проведении в Академии наук публичных лекций (1784–1796) // Смагина Г. И. Указ. соч. С. 315–322.

²⁶ Волконская А. М., Волконская Е. М. Рассуждения о разных предметах природы, наук и художеств / Пер. Ч. 1–2. СПб., 1792.

²⁷ С большой долей вероятности можно предположить, что рубрику вел сам издатель журнала, князь Петр Иванович Шаликов (1768–1852).

²⁸ Озерецковский Николай Яковлевич (1750–1827) – естествоиспытатель, академик Петербургской академии наук.

²⁹ Княжна Катерина Михайловна Волконская: Материалы для истории русских женщин-авторов (продолжение) // Дамский журнал. 1830. Т. 29. № 13. С. 197–198.

³⁰ Цит. по изданию: Мордовцев Д. Л. Замечательные исторические женщины 2-ой пол. 18-го столетия: Репринт. Калининград, 1994. С. 179.

³¹ Там же.

³² Видимо, имеется в виду естествоиспытатель, философ, юрист, иностранный член Петербургской академии наук Шарль

кажется, публикация перевода княжон Волконских не прошла незамеченной. По словам графа Дмитрия Ивановича Хвостова, приславшего некоторые дополнения и исправления в редакцию «Дамского журнала», перевод этот был показан княгине Е. Р. Дашковой, которая в свою очередь передала его императрице Екатерине II. Екатерина пожелала познакомиться с переводчицами лично, и Е. Р. Дашкова представила ей их во время одного из петергофских маскарадов. «Императрица изволила приласкать юных переводчиц пред всею публикою», – замечал Д. И. Хвостов³⁴.

То, что научный перевод требует от переводчика не только свободного владения иностранным языком (что было в тот период вполне обычным для русской аристократки), но и понимания сути предмета, не вызывает сомнений. Чтобы создать перевод, вызвавший такие похвалы, сестры Волконские просто не могли не иметь какого-то естественно-научного образования, хотя бы и самого поверхностного. Поэтому можно предположить, что выбор объекта перевода был обусловлен их собственной заинтересованностью и любопытством или, возможно, на этот выбор оказало влияние европейское увлечение того времени. Материалы Международного симпозиума «Посредники наук: женщины – переводчики научных текстов 1600–1850»³⁵, прошедшего в рамках XXIII Международного конгресса по истории науки и техники «Идеи и инструменты в социальном контексте», свидетельствуют о том, что занятие женщин переводами научных текстов в XVIII веке встречалось достаточно часто в различных европейских странах, в том числе во Франции, в Неаполитанском королевстве, в Испании³⁶.

Хотя это, конечно, не больше чем предположение. Однако, несмотря на то что мотивы сестер Волконских остаются для нас неясными, они – первые русские женщины (насколько это известно на сегодняшний день), выступившие в печати с научным (научно-популярным) сочинением, пусть пока что только переводным. Кроме того, что описанная работа свидетельствует в пользу тезиса о существовании в России в последние десятилетия XVIII века женщин, достаточно серьезно интересовавшихся науками, она представляет собой первый опыт профессии, в будущем давшей занятие и заработок многим российским образованным женщинам. Как, на наш взгляд, совершенно справедливо заметил Д. Л. Мордовцев, «к чести “россиянок” прошлого века следует отнести, что они являются как бы прототипами тех *полезных*³⁷ женщин-писательниц нашего времени, которые своею переводческою деятельностью значительно пополняют недостаточность научной подготовки русской читающей публики»³⁸.

На страницах «Дамского журнала» нам удалось отыскать еще одно женское имя, связанное с занятием точными и естественными науками в XVIII столетии. В уже упоминавшейся рубрике этого журнала «Материалы для истории русских женщин-авторов», помимо сведений о писательницах, поэтессах и переводчицах, журнал поместил заметку о некоей Маргарите Николаевне Струйской, дочери небезызвестного дворянина, прозаика и стихотворца, а также типографа Николая Еремеевича Струйского (1749–1796). Как и другие дамы, Маргарита Николаевна пробовала свои силы в переводах, и в 1791 году один из них увидел свет³⁹, но

Бонне (1720–1793). Несколько его работ были опубликованы по-русски, например: «Созерцание природы» (Смоленск, 1804); «Физиологические начала о первой причине и действии оной» (СПб., 1805).

³³ Дамский журнал. 1830. Т. 29. № 13. С. 198.

³⁴ Дополнения к изданным материалам для истории русских женщин-авторов // Дамский журнал. 1830. Т. 30. № 21. С. 121.

³⁵ «Mediators of Sciences. Women Translators of Scientific Texts 1600–1850».

³⁶ См., например: *Guerre Corinna*. Mariangela Ardinghelli: Poetry and electricity in 18th-century Naples // XXIII International congress of history of science and technology. Ideas and instruments in social context. Book of abstracts & list of participants. 28 July – 2 August 2009 Budapest, Hungary. Budapest: Omigraf Ltd., 2009. P. 246; *Tiggelen Van Brigitte*. M-me Thiroux D'Arconville and the uses of translation: anonymity, autonomy and authorship in women's contribution to chemistry in the XVIIIth century // Ibid. P. 247; *Serrano Elena*. Women translating science in the Spanish Enlightenment // Ibid. P. 248 и др.

³⁷ Курсив наш. — О. В.

³⁸ Мордовцев Д. Л. Указ. соч. С. 179.

³⁹ *Грегори Дж.* Завещание некоторого отца своим дочерям, изданное покойным г. доктором Григорьем в Единбурге и

не это привлекло наше внимание. Редактор «Дамского журнала» пишет о ней: «...разделяла литературные труды со своим родителем, не скучала его философическою жизнью и не редко препровождала с ним целые недели на *обсерватории*⁴⁰, устроенной тогда в их Пензенской вотчине⁴¹»⁴². Источник этих крайне интересных сведений нам установить, к сожалению, не удалось, так же как и найти какие-либо подробности.

«Русский биографический словарь» также сообщает о нескольких представительницах рода Голицыных, живших во второй половине XVIII века и интересовавшихся науками. Так, в статье, посвященной княгине Екатерине Дмитриевне Голицыной (1720–1761), дочери молдавского господаря Дмитрия Константиновича Кантемира и княжны (в девичестве) Анастасии Ивановны Трубецкой, Н. Чулков писал, что княгиня воспитывалась в доме матери под наблюдением ее брата, известного отечественного деятеля Ивана Ивановича Бецкого, и «считалась одной из образованнейших русских женщин своего времени»⁴³. Он также сообщал: «...Голицына интересовалась медициной и по духовному завещанию оставила 22 000 р. в пользу страждущего человечества, с тем, чтобы на проценты с этого капитала были отправляемы Московским воспитательным домом чрез каждые 6 лет трое молодых людей в возрасте 15–18 лет, природные русские или родившиеся в России, для изучения медицинских наук в иностранных университеты, преимущественно в Страсбургский, славившийся в то время лучшим преподаванием повивального искусства»⁴⁴. По сведениям Н. Чулкова, именно на эти средства получили образование первые представители отечественного акушерства, в том числе, по выражению историков медицины XX века, признанный «отец» русского акушерства⁴⁵ Н. М. Максимович-Амбодик⁴⁶, А. М. Шумлянский⁴⁷ и др.⁴⁸

Еще одна княгиня Голицына, широко известная своим интересом к наукам и упомянутая в «Русском биографическом словаре», – княгиня Амалия Самуиловна Голицына, урожденная Шметтау (1748–1806)⁴⁹, дочь прусского графа, генерал-фельдмаршала и президента Берлинской академии наук Самуила Шметтау (1684–1751). Амалия Шметтау вышла замуж за любителя естественных наук князя Дмитрия Алексеевича Голицына (1734–1803), большую часть жизни проведшего в Европе⁵⁰. Хотя после замужества Амалия Шметтау носила россий-

переведенное Маргаритою [Николаевною] Стр[уйскою]. СПб., 1791.

⁴⁰ Курсив наш. — О. В.

⁴¹ Село Рузаевка Пензенской губернии Инсарского уезда.

⁴² Маргарита Николаевна Струйская // Дамский журнал. 1830. Т. 29. № 13. С. 197.

⁴³ Чулков Н. Голицына, княгиня Екатерина (Смарагда) Дмитриевна // Русский биографический словарь. Неопубликованные материалы: В 8 т. М.: Аспект-пресс, 1997. Т.: Гоголь – Гюне. С. 215.

⁴⁴ Там же. С. 215–216.

⁴⁵ См.: Дроздова З. А. Нестор Максимович Максимович-Амбодик (отец русского акушерства). Л., 1950.

⁴⁶ Максимович-Амбодик Нестор Максимович (1744–1812) – акушер; получил степень доктора медицины в Страсбургском университете; преподавал повивальное искусство в различных госпиталях С.-Петербурга; помимо прочего опубликовал книгу: Максимович-Амбодик Н. М. Искусство повивания или наука о бабичьем деле, на пять частей разделенная и многими рисунками снабденная... Для пользы повивальных российских бабок и лекарей сочинил врачебной науки доктор и повивального искусства профессор Нестор Максимович-Амбодик. СПб., 1784–1786. Ч. 1–6.

⁴⁷ Шумлянский Александр Михайлович (1748–1795) – акушер; получил степень доктора медицины в Страсбургском университете; преподавал в различных медицинских заведениях Москвы и С.-Петербурга; с 1793 г. – преподаватель московской акушерской школы. Автор нескольких научных работ и переводов.

⁴⁸ Чулков Н. Указ. соч. С. 216.

⁴⁹ Adelheid Amalia von Golizyn (Gräfin von Schmettau).

⁵⁰ Н. Чулков пишет о нем: «Он жил преимущественно умственными интересами и всю жизнь чему-нибудь учился. Главными предметами его изучения были электричество и минералогия. Его общество составляли философы, ученые, художники. Близкий ко многим энциклопедистам, он переписывался с Вольтером, издавал произведения Гельвеция; в особенности был дружен с Дидро...» (Чулков Н. Голицын, князь Дмитрий Алексеевич // Русский биографический словарь. Неопубликованные материалы: В 8 т. М.: Аспект-пресс, 1997. Т.: Гоголь – Гюне. С. 162). Д. А. Голицын был почетным членом Петербургской, Стокгольмской, Брюссельской и Берлинской академий наук, членом Петербургской академии художеств, а также Вольно-экономического, Лондонского королевского и Эрфуртского полезных знаний обществ; председателем Йенского минералогического общества, которому и завещал свои минералогические коллекции (Там же. С. 162).

скую фамилию Голицына, бывала в России (по крайней мере, она была представлена при дворе Екатерины II), тем не менее ее трудно причислить к *российским* женщинам – любительницам наук. Однако, поскольку, по мнению автора биографической статьи историка Павла Пирлинга, дом княгини «служил средоточием высшего общества» и в гостях у нее бывала «русская знать»⁵¹, она могла оказывать значительное влияние на мировоззрение, а также увлечения российских дам – своих гостей. Поэтому мы считаем необходимым сказать здесь о ней несколько слов. Уже после замужества и рождения двоих детей княгиня решила заняться самообразованием. По словам Пирлинга, «...с редкою энергиею и неутомимым усердием княгиня взялась за изучение математики, философии, греческого языка и вместе с тем, обдумав широкий план и усвоив себе надлежащие приемы, она стала сама преподавать детям первоначальные знания»⁵². Проживая в швейцарском Мюнстере, она собрала вокруг себя кружок ученых и увлекавшихся науками людей, ставший известным по всей Германии под именем *familiasacra*. Как пишет П. Пирлинг, «ежедневно, по вечерам, в ее доме велись научные разговоры. В них участвовали университетские профессора, местные ученые, высшие сановники»⁵³. Княгиня А. С. Голицына состояла в переписке со многими известными учеными своего времени. Первая часть дневниковых записок княгини была опубликована в Штутгарте в 1868 году под названием «*Mittheilungen aus dem Tagebuch und Briefwechsel, nebst Fragmenten und einem Anhang*»⁵⁴. Продолжение вышло в Мюнстере в 1874–1876 годах. На русский язык они никогда не переводились⁵⁵.

В упоминавшейся выше книге В. О. Михневича приведен еще один пример женщины-ученой, оставшейся, однако, безымянной. В. О. Михневич взял его из работы «Н. М. Карамзин» журналиста и редактора Альберта Викентьевича Старчевского (1818–1901). Это история воспитания братом Н. М. Карамзина Василием Михайловичем Карамзиным (1751–1827) «одной девочки», у которой им были замечены «необыкновенные способности». «Эта редкая женщина выучилась даже латинскому языку»⁵⁶ и считалась ученойшею в своем околдке, не выезжая из пределов Симбирской губернии», – приводит В. О. Михневич цитату из работы А. В. Старчевского и добавляет: «К сожалению, г. Старчевский, сообщая эти сведения, <...> не указывает их источника и не называет даже имени этой “редкой женщины” – ученой»⁵⁷. Тем не менее он не подвергает сомнению данное свидетельство.

Конечно, несколько найденных имен не может свидетельствовать о положении дел в целом. Однако в нашем распоряжении имеются и другие, объективные данные о существовании интереса к точным и естественным наукам среди российских женщин последних десятилетий XVIII века.

По сведениям современного специалиста по истории отечественной книги XVIII века, доктора исторических наук А. Ю. Самарина, изучившего подписные листы различных научных

⁵¹ Пирлинг. Голицына, княгиня Амалия Самуиловна // Русский биографический словарь. Неопубликованные материалы: В 8 т. М.: Аспект-пресс, 1997. Т.: Гоголь – Гюне. С. 205.

⁵² Там же.

⁵³ Пирлинг. Голицына, княгиня Амалия Самуиловна. М.: Аспект-пресс, 1997. С. 206.

⁵⁴ *Golitsyna Amalija Samuilovna. Mittheilungen aus dem Tagebuch und Briefwechsel, nebst Fragmenten und einem Anhang*. 1868.

⁵⁵ Подробнее о княгине Амалии Голицыной см.: *Hügel Pauline freiherrin von. A Royal Son and Mother. Notre Dame, Ind.: The Ave Maria Loretto press, 1902.*

⁵⁶ Знание женщиной латинского языка вызывало искреннее удивление и преувеличенное восхищение почти всех авторов XIX в., которым когда-либо приходилось в печати упоминать об этом. Одновременно не вызывало ни малейшего удивления вполне обычное для конца XVIII – первой половины XIX в. (и даже для более позднего периода) владение девушкой-аристократкой как минимум двумя, а чаще тремя современными иностранными языками. Наоборот, подобное умение считалось общепринятым стандартом женского аристократического образования. Современники, кажется, не замечали этого парадокса: латынь – язык науки, доступный лишь избранным, поэтому владевшая ею женщина воспринималась как нечто необыкновенное.

⁵⁷ Михневич В. О. Указ. соч. С. 260.

изданий, только с 1787 по 1800 год женщины подписались, как это следует из таблицы 1, на следующие научные книги:

Таблица 1. Женщины – подписчицы математических и естественно-научных изданий (1787–1800)

Название книги	Количество женщин-подписчиц
Войтховский Е. Д. Теоретический и практический курс чистой математики. Т. 1–3. М., 1787.	1
Пиль Р. Понятие о совершенном живописце. СПб., 1789.	1
Лангер К. Г. Полный географический лексикон. Ч. 1–3. М., 1794.	3
Ертов И. Д. Начертание естественных законов, происхождения вселенной. Т. 1–2. СПб., 1798–1800.	1

Конечно, как мы видим, число подписчиц очень невелико. Как замечает А. Ю. Самарин, «особенно плохо женщины подписывались на книги по естественным наукам и технике. Две трети изданий такого рода, имеющих печатные списки подписчиков, женщины вообще не заказывали»⁵⁸. Следует заметить, что гораздо большее число женщин выписывали в тот же период книги исторического (103 человека) и философско-религиозного (36 человек) содержания⁵⁹. Однако одними только книгами не могло ограничиваться чтение образованного человека. К сожалению, ученые и учено-литературные периодические издания не часто печатали списки подписчиков. Тем не менее мы можем отметить, что среди подписчиков периодических изданий, имеющих то или иное отношение к точным и естественным наукам и опубликовавших списки своих читателей, были и женщины. Так, в 1780 году 20 женщин выписывали журнал «Экономический магазин», в 1792 году одна дама подписалась на «Санкт-Петербургские врачебные ведомости», в 1794 году 2 женщины выписывали «Библиотеку ученую, экономическую, нравоучительную» и, наконец, в 1799 году 9 дам подписались на «Журнал о земледелии для Всероссийской империи»⁶⁰.

Безусловно, приведенные выше данные более чем относительны. Если дама сама не выписывала журнал или книгу, то это мог сделать кто-нибудь для нее по ее просьбе. Например, среди подписчиков издававшейся в Тобольске «Библиотеки ученой, экономической, нравоучительной» поименованы две дамы: «девица Марья Ивановна Протасова» (в Орловском наместничестве)⁶¹ и «стат[ского] сов[етника] Осипа Дмитриевича Лукина дочь Анна Осиповна» (в Рязанском наместничестве)⁶². Однако помимо них упомянут Яков Баженов «его сиятельства господина генерал-поручика, действительного камергера и разных орд[енов] кавалера Михайла Михайловича Голицына супруги княгини Анны Александровны урожденной баронессы Строгановой служитель» (из Пермского наместничества)⁶³. Выписывал ли он журнал для себя или для своей сиятельной патронессы? На этот вопрос нет ответа. Точно так же некоторые подписчицы могли действовать по поручению родственников или друзей-мужчин и совершенно не интересоваться тем, что они выписывали.

Кроме того, конечно, человек, серьезно занимавшийся наукой в последние десятилетия XVIII века, не мог ограничиваться только отечественными изданиями. Скорее наоборот: число выписываемых им зарубежных специальных сочинений должно было бы преобладать. Вполне возможно, что плохо, а иногда вообще не читавшие по-русски аристократки просто не обра-

⁵⁸ Самарин А. Ю. Читатель в России во второй половине XVIII века (по спискам подписчиков). М., 2000. С. 154.

⁵⁹ Самарин А. Ю. Читатель в России во второй половине XVIII века (по спискам подписчиков). М., 2000. С. 154–155.

⁶⁰ Там же. С. 156.

⁶¹ Имена особ, кои по предъявленному в Тобольском Приказе Общественного Призрения подпискам получали сию книгу Ученая Библиотека, со означением из места пребывания // Библиотека ученая, экономическая, нравоучительная, историческая и увеселительная в пользу и удовольствие всякого звания читателей. 1794. Ч. 12. С. 8.

⁶² Там же. С. 9.

⁶³ Там же. С. 8.

щали внимания на русскоязычные книги и переводы, предпочитая им иностранные оригиналы. А в том, что это были именно аристократки, нет никаких сомнений. По сведениям А. Ю. Самарина, «социальный состав женщин-подписчиков более аристократичен, чем подписчиков-мужчин. Среди них практически отсутствуют представительницы недворянских сословий, а значительная часть (более трети) принадлежит к титулованной аристократии и генералитету»⁶⁴.

Однако меньше ли было число женщин – читательниц научных изданий по сравнению с приведенными выше данными или, наоборот, больше, не особенно важно для нас. Достаточно самого факта: подобные женщины существовали. И хотя, по-видимому, их было мало, но сам факт того, что уже в последние десятилетия XVIII века некоторые российские аристократки проявляли интерес к наукам, не подлежит сомнению. И, как мы видели выше, не все они ограничивались исключительно чтением.

Свидетельством, косвенно подтверждающим наши выводы, может также служить одна крайне любопытная журнальная публикация. В 1793 году журнал «Чтение для вкуса, разума и чувствований» опубликовал статью француза по фамилии Гартиг, переведенную на русский язык Михаилом Вышеславцевым⁶⁵, под названием: «Рассуждение о женщинах, и о выгодах, которые получили бы они от упражнения в науках». Это не была первая статья в истории отечественной журналистики, посвященная ученым женщинам. Еще в 1759 году миллеровские «Сочинения и переводы к пользе и увеселению служащие» опубликовали «Известие о некоторой ученой девице в Англии», представлявшее собой биографию английской писательницы и переводчицы Елизаветы Картер (1717–1806) с сопутствовавшими рассуждениями о пользе учения как для самих девиц, так и для их семейств⁶⁶.

Статья не подписана, непонятно, перевод ли это или оригинальное сочинение отечественного журналиста. Любопытно, что безымянный автор относится к занятиям своей героини с полным одобрением и с энтузиазмом объясняет самим девицам и их родным, как увлечение науками может быть полезно для всех заинтересованных сторон. «Женскому полу служить может немалым ободрением к упражнению в науках, когда узнают, что без дальнего труда могут приобрести довольные знания к пользе и увеселению жизни человеческой способствующия; ибо едва ли есть один род учения, в котором бы не прославились женщины в различные веки, – писал он. – Ежели число оных не весьма велико, то всякой сам может себя уверить, что сие происходит не от недостатку женского разума: но с того, что не было довольно случаев изощрять оной; потом стали и представлять ученых женщин в комедиях, яко бы оне все легкомысленны, горды и педантки, – указывал автор, очевидно ссылаясь на знаменитую пьесу Мольера «Ученые женщины», замечая, правда, – что однако не более об них, как о мужеском поле сказать можно». Автор признавал, конечно, что подобные занятия вовсе необязательны: «Правда, что состояние, к которому божие провидение определило женщин, не требует того, чтоб оне знали высокие науки и чтобы разумели ученые языки: однако ж сие не препятствует пользоваться им всеми возможными случаями, для просвещения их разума и для исправления их нраву». И продолжал далее, выдавая аргумент в пользу женского образования, которым на протяжении последующих полутора столетий будут пользоваться все радетели за женское образование в России: «Сие учение есть великой важности, как для них самих, так и для их фамилии, тем наипаче, что большая часть детей получают от женщин, а особливо от матерей, первые понятия, с которых следы во всю жизнь у них остаются». Но этот аргумент не был единственным: «Сверх того, – отмечал журналист, – склонность к добру, которая основана только на внешних, нетвердых и минуемых приятностях, бывает недолговечна, и многократно

⁶⁴ Самарин А. Ю. Указ. соч. С. 155.

⁶⁵ Вышеславцев Михаил Михайлович (1758–1830-е) – переводчик, литератор, преподаватель французского и других языков.

⁶⁶ Известие о некоторой ученой девице в Англии // Сочинения и переводы к пользе и увеселению служащие. 1759. Май. С. 470–475.

подвержена печальным переменам: напротив того здравый разум, подкрепленный непоколебимыми основаниями и просвещенный приятными знаниями, есть такое увеселение, которое на всякой час услаждает и не прежде как с самою жизнью оканчивается»⁶⁷. Таким образом, автор середины XVIII века считал женское занятие науками полезным не только для общества, но и для самих женщин.

⁶⁷ Известие о некоторой ученой девице в Англии. ... С. 470–471.

СОЧИНЕНІЯ

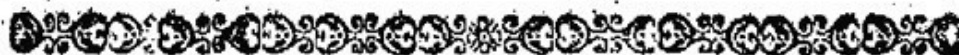
и

ПЕРЕВОДЫ,

къ пользѣ и увеселенію

служащія

Май, 1759 года.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ

при Императорской Академіи Наукъ

Рис. 2. Титульный лист журнала «Сочинения и переводы к пользе и увеселению служащие». 1759 г. Май

III.

ИЗВѢСТІЕ

О нѣкошорой ученой дѣвѣ вицѣ въ Англїи

Женскому полу служить можетъ немалымъ ободреніемъ къ упражненію въ наукахъ, когда узнаютъ, что безъ дальнаго труда, могутъ пріобрѣсти довольныя знанія къ пользѣ и увеселенію жизни человѣческой способствующія; ибо едва есть ли одинъ родъ ученія, въ которомъ бы не прославились женщины въ различные вѣки. Ежели число оныхъ не весьма велико, то всякой самъ можетъ себя увѣрить, что сіе происходитъ не отъ недостатку женскаго разума: но отъ того, что не было довольно случаевъ изощрять оной; пошомъ стали и представлять ученыхъ женщинъ въ комедіяхъ, яко бы онѣ всѣ легкомысленны, горды и педаншки, что однако не болѣе объ нихъ, какъ о мужескомъ полѣ, сказать можно. Правда, что состояніе, къ которому божіе провидѣніе опредѣлило женщинъ, не требуетъ того, чтобъ онѣ; **зна**

Рис. 3. Первая страница статьи «Известие о некоторой ученой девице в Англии» (Сочинения и переводы к пользе и увеселению служащие. 1759. Май. С. 470)

Статья господина Гартига, увидевшая свет на 34 года позднее, во многом, однако, перекликается с этой ранней безымянной публикацией. Господин Гартиг подробно рассматривает способность или неспособность женщин к занятию различными науками и искусствами, приводя в пример знаменитых европейских дам, прославившихся своими познаниями или даже заслугами в науке, и приходит к выводу, что никаких препятствий, обусловленных «природой» женщины, для занятий этим видом деятельности не существует: «...каковы б ни были <...> препятствия, сей род наук (имеются в виду «отвлеченные понятия», требующие тщательного изучения и логического мышления. — *О. В.*) соразмерен разуму женщин; многие с успехом упражнялись в них», — пишет он и добавляет: «Во всех веках были женщины, которые с успехом упражнялись в самых трудных науках; оне умели преодолеть своим мужеством и прониканием все препятствия, которые природа, повидимому, противопоставила им только, чтобы сделать торжество их гораздо блистательнее. Что касается до тех познаний, которые зависят от памяти, то я не вижу причины, которая б препятствовала женщинам быть к оным способными; способность содержать в памяти понятия им столько ж свойственна, как и нам; и если мы внимательно о сем рассудим, то может быть выгода будет еще на их стороне»⁶⁸. Таким образом, единственное, что служит, по мнению автора статьи, помехой и преградой, мешающей женщинам заниматься наукой, — существующие в обществе предрассудки. Почему же женщины не наслаждаются «благополучием», которое приносит, по утверждению философов, занятие науками, спрашивает автор? «Для чего в то время, когда просвещение со дня на день умножается, они осуждены оставаться во мраке?» — задает он вопрос. И сам же отвечает: «Для того, что предрассудок воспитания берет верх над самым разумом; для того, что женщины довольствуются тем, что могут нравиться прелестями красоты, не радят о продолжительнейших прелестях разума и чувствований; для того, что большая часть мужчин имеют свои выгоды в том, что препятствуют просвещению их ума, которое бы открыло им их слабости, и могло бы предохранить их от оных»⁶⁹.

Далее автор приводит различные доводы, стремясь убедить женщин в том, что занятие науками может быть им очень приятно и полезно, объясняя, почему невежество превращает всю их жизнь в «цепь огорчений и страданий». Не довольствуясь собственными доводами, он призывает на помощь древних, в том числе Плутарха и Цицерона, цитируя знаменитое высказывание последнего о пользе наук: «Науки, говорит Римской Оратор, образуют юношество, и составляют утехи зрелого возраста; щастие украшается ими, нещастие получает от них облегчение; в своем доме, в домах чужих, в путешествиях, в уединении, всегда и везде оне составляют сладость нашей жизни», — пишет он⁷⁰. Высказывание это к 1793 году уже хорошо известно в России и существует на русском языке, включенное М. В. Ломоносовым в его знаменитую «Оду на день восшествия на всероссийский престол ее величества государыни императрицы Елисаветы Петровны 1747 года» — «Науки юношей питают...»:

Науки юношей питают,
Отраду старым подают,
В счастливой жизни украшают,
В несчастной случай берегут;
В домашних трудностях утеха
И в дальних странствах не помеха.
Науки пользуют везде,

⁶⁸ Гартиг. Рассуждение о женщинах, и о выгодах, которые получили бы они от упражнения в науках. (Пер. с франц. Михайло Вышеславцева) // Чтение для вкуса, разума и чувствований. 1793. Ч. 11. № 62. С. 55, 57–58.

⁶⁹ Там же. С. 63–64.

⁷⁰ Там же. С. 66–67.

Среди народов и в пустыне,
В градском шуму и наедине,
В покое сладки и в труде.

И, по некоторому совпадению, М. В. Ломоносов в свое время также адресовал эти слова женщине, хотя, конечно, не столько призывая ее заняться наукой *лично*, сколько убеждая в необходимости высочайшего *покровительства* наукам и ученым. Впрочем, автор статьи 1793 года также не предлагает женщинам *профессиональное* занятие наукой, поскольку, по его мнению, это приносит мало радости: «...судьба упражняющихся в науках для славы видеть себя в печати, и предавать мысли свои потомству, по истине, не есть самая щастливая. Слава их почти всегда отравляется ядом ненависти. Судьба простаго и безкорыстнаго любителя подлинно предпочтительнее», – пишет он⁷¹. И, взывая на этот раз к авторитету Вольтера, продолжает: «Г. Волтер говорит, что один есть судия (то есть любитель. — О. В.), а другой подсудимый (то есть профессионал. — О. В.): я предлагаю женщинам судьбу перваго; она лучше б была скучной праздности. Какое удовольствие может для них быть больше сего удовольствия, когда оне умеют отличать те красоты, которых непосвященные не могут видеть, и которых приятное впечатление есть сокровище для тех, кои способны к принятию онаго! О когда б все вы могли познать сие благополучие! Сколь приятны были б тогда для вашего вкуса те творения, в которых разум изливает нежнейшие лучи свои!» – восклицает он⁷².

Завершается статья пылким, можно сказать, пламенным призывом к женщинам заниматься наукой: «Прелестной и столь часто обманываемый пол, таков плод просвещения! Ежели благополучие ваше вам драгоценно, то упражняйтесь в науках; они будут составлять ваше отдохновение и вашу подпору; предохранят вас от скуки и от прельщения; соделают сердце ваше твердейшим, а разум основательнейшим; самая любовь найдет в них новыя удовольствия. Разум подкрепит ваши прелести, и когда, достигнув тех лет, в которыхя время пожинает их, вы будете ежедневно видеть разрушение ваше, когда останется вам одно печальное воспоминание того, что вы были; то укрываясь в их объятия, вы можете ополчиться против самой старости. Они подадут вам силу сносить мужественно лишение красоты вашей, и доставят вам удовольствия, которые никогда не кончатся, разве с вашею жизнью. Я еще повторю, упражняйтесь в науках! Матери внушайте дочерям своим вкус к ним с самых нежных лет. А вы, которые преступили пределы, в коих вас содержали, вы, которых число к сожалению весьма ограничено, не устрашайтесь усилий невежества; будьте довольны одобрением существ мыслящих, и сохраняйте для себя способ которой некогда зделает вас младыми в глазах самых хулителей ваших»⁷³.

К сожалению, пока не удалось определить, кем был господин Гартиг, подлинное ли это имя или только псевдоним, скрывший... кого? Может быть, одну из тех женщин-ученых, любительниц наук, о которых писал В. О. Михневич? В любом случае статья вряд ли появилась на «пустом месте» и соответствовала общему духу благосклонности к «ученым» дамам. Эта благосклонность, несомненно, подпитывалась европейскими примерами. Так, еще в 1785 году издательство Новикова выпустило в свет очередную часть сочинения знаменитого французского писателя, аббата Антуана Франсуа Прево (1697–1763), «История о странствиях вообще по всем краям земного круга», на страницах 511–562 которой был помещен свободный перевод с французского книги упомянутой нами выше немецкой художницы, гравера, издателя и... натуралиста, энтомолога, путешественницы Марии Сибиллы Мериан «Суринамские насеко-

⁷¹ Гартиг. Рассуждение о женщинах, и о выгодах, которые получили бы они от упражнения в науках. ... С. 67–68.

⁷² Гартиг. Рассуждение о женщинах, и о выгодах, которые получили бы они от упражнения в науках. ... С. 68.

⁷³ Там же. С. 70–72.

мые», сделанный М. И. Веревкиным⁷⁴. Превосчит нужным предварить эту часть своей работы коротким рассказом об оригинальном авторе текста: «...для значительной части этого раздела, – писал он, – взята небольшая выдержка из “Собрания суринамских насекомых”, изображенных с необыкновенным изяществом одной молодой немкой, которая специально в 1699 г. предприняла путешествие в эту голландскую колонию, и изданных в семидесяти двух таблицах; экземпляры его можно найти теперь только в кабинетах редкостей»⁷⁵. С большой долей вероятности можно предположить, что это первая научная книга, посвященная естественным наукам и написанная женщиной, опубликованная в России на русском языке.

В 1790 году, за три года до опубликования статьи господина Гартига, в типографии Московского университета было предпринято издание биографического словаря, в название которого специально вынесено упоминание ученых женщин: «Словарь исторический или сокращенная библиотека, заключающая в себе жития и деяния: патриархов, царей, императоров и королей; великих полководцев, министров и градоначальников; богов и ироев древняго язычества; пап римских, учителей церковных; философов древних и нынешних веков, историков, стихотворцов, ораторов, богословов, юристов, медиков и прочих, с показанием главнейших их сочинений; *ученых женщин*⁷⁶, искусных живописцев и прочих художников, и вообще всех знатных и славных особ во всех веках и из всех в свете земель, в котором содержится все любопытства достойнейшее и полезнейшее из священной и светской истории. Перевод с французских исторических словарей, с приобщением к оному деяний и жития великих князей и государей всероссийских и монархов своих и отечества особ». Всего в 1790–1798 годах вышло 14 частей словаря. Даже поверхностное его чтение показывает достаточно примеров знаменитых ученых женщин, принадлежавших к разным странам и эпохам, чтобы оправдать все рассуждения господина Гартига. Среди них, например, биография знаменитой женщины-математика Гипатии: «Ипатия, дочь славного Феона, философа и математика Александрийского, обучалась у своего отца. Она превзошла его в знании математики, а особливо в геометрии, которою более всех занималась, – говорится в словарной статье. – Для усовершенствования себя в знаниях отправилась она в Афины, где столь много успела, что сделали ее профессором на место славного Фотина, профессора Александрийского. Слава об ней разнеслась повсюду, и из всех мест стекались ее слушать. Она была чрезвычайно хороша, и всяк, кто бы на нее ни смотрел, пленялся ею». История гибели Гипатии от рук христианских фанатиков описана кратко, с указанием на то, что отчасти это было недопонимание и что церковная власть ни в коем случае этого не одобряла: «Действие сие по словам историка привело в великое подозрение Св. Кирилла и всю Александрийскую церковь: потому что насилия сии ни мало не совместимы с христианством». Заканчивается статья следующим сообщением: «Ипатия написала много сочинений, кои не дошли до нас. Жизнь ее сочинил аббат Гужет»⁷⁷. В биографии Анны Дасье (1654–1720)⁷⁸ последовательно перечислены все ее работы и сделанные ею переводы античных сочинений, ее дискуссии с современными критиками и учеными. Так же как и ста-

⁷⁴ Мерриан Мария Сибилла. Суринамские насекомые // *Превос* [А.-Ф.] История о странствиях вообще по всем краям земного круга. Ч. XIII. М., 1785. С. 511–562.

⁷⁵ Цит. по.: Лукаша Т. А. Мария Сибилла Мерриан. 1647–1717. Л.: Наука, 1980. С. 127.

⁷⁶ Курсив наш. — О. В.

⁷⁷ Словарь исторический или сокращенная библиотека, заключающая в себе жития и деяния: патриархов, царей, императоров и королей; великих полководцев, министров и градоначальников; богов и ироев древняго язычества; пап римских, учителей церковных; философов древних и нынешних веков, историков, стихотворцов, ораторов, богословов, юристов, медиков и прочих, с показанием главнейших их сочинений; ученых женщин, искусных живописцев и прочих художников, и вообще всех знатных и славных особ во всех веках и из всех в свете земель, в котором содержится все любопытства достойнейшее и полезнейшее из священной и светской истории. Перевод с французских исторических словарей, с приобщением к оному деяний и жития великих князей и государей всероссийских и монархов своих и отечества особ. М.: В Университетской типографии у В. Окорочова, 1790–1798. Ч. 6: [№ 72–105, 1–5. Жавень – Карл]. М., 1791. С. 165–166.

⁷⁸ Дасье Анна (Anne Dacier, урожденная Лефевр, Lefèvre, 1654–1720) – французский филолог-классик и переводчик; дочь французского филолога-классика Таннеги Лефевра, супруга его ученика Андре Дасье.

тя, посвященная Гипатии, статья о госпоже Дасье проникнута искренним уважением: «Будучи столь же достойна уважения за свои свойства, как и за дарования, она не менее заставила себе удивляться за свою добродетель, твердость, равнодушие, великодушие, скромность как и за свои сочинения»⁷⁹.

Помимо печатных изданий и также вслед за своими европейскими современницами женщины, интересующиеся точными и естественными науками, начинают появляться и на художественных полотнах. Современный историк, специалист в области вспомогательных исторических дисциплин Е. В. Пчелов пишет об этом: «Итак, в европейской живописи XVIII века дамы оказываются постепенно вовлеченными в научные опыты и работы, приобщаются к ним – от обычных зрительниц до участия в экспериментах и даже собственных занятий наукой. Иконография движется от аллегоричности к реальности, отражая распространение научных знаний в обществе. А как обстоят дела в русской живописи того же времени? – задает он вопрос и отвечает: – Первые изображения женщин с инструментами (имеются ввиду научные инструменты. — О. В.) или около них относятся к середине XVIII века. Эти картины носят аллегорический характер, однако представляют и некоторый интерес как отражение реальности»⁸⁰. Е. В. Пчелов предполагает, что первой российской картиной, на которой изображены дамы, занимающиеся астрономическими наблюдениями в компании кавалеров, является десюдепорт Б. В. Суходольского «Астрономия», созданный около 1754 года и хранящийся сегодня в Государственной Третьяковской галерее. «При всей аллегоричности композиции, – пишет Пчелов, – нельзя не отметить, что изображения кавалеров и дам в современных художнику костюмах передают реалии своего времени – нет ничего удивительного в демонстрации астрономических наблюдений, в том числе и дамам, в ту эпоху. Показательно, что помимо глобуса и армиллярной сферы символами астрономии на картине выступают телескоп, наугольник и измеритель»⁸¹. Е. В. Пчелов описывает еще одно художественное произведение, близкое по времени к работе Б. В. Суходольского, – панно А. И. Бельского «Астрономия», созданное в 1756 году для украшения интерьера Московского университета: «В руках у женской фигуры, олицетворяющей астрономию, измеритель, а за спиной помогающего ей путти виднеется армиллярная сфера. Это, безусловно, самое раннее в русской живописи дошедшее до нас аллегорическое изображение астрономии в образе Урании», – подчеркивает автор⁸². Самым ранним по времени изображением реальной русской женщины, занятой науками, стал, по мнению Пчелова, портрет смолянки девицы Е. И. Молчановой, созданный Дмитрием Григорьевичем Левицким в 1776 году, сегодня находящийся в собрании Государственного Русского музея.

«Бесспорно самой известной картиной русской живописи XVIII века, изображающей “Ученую даму”, является “Портрет Екатерины Ивановны Молчановой” <...>. В отличие от всех остальных смолянок Левицкого, занятых искусствами, Молчанова сидит у стола со стоящим на нем вакуумным насосом, использовавшимся при обучении физике в Смольном институте. Она держит в левой руке книгу... Слева от нее расположен большой глобус. Итак, перед нами реальная женщина, символизирующая обучение наукам и научные занятия в Смольном институте, однако показательно, что в этом портрете дама остается “один на один” с научными приборами, здесь вообще нет никаких других, в том числе и мужских фигур. Наука сама по себе оказывается делом, возможным для женщины, и можно думать, что это первый пример

⁷⁹ Словарь исторический или сокращенная библиотека... Ч. 5: [№ 41–71. Дабильон – Ехинады]. М., 1791. С. 68.

⁸⁰ Пчелов Е. В. Дамы у приборов: репрезентация научных наблюдений и опытов в живописи XVIII века // Архив науки и техники. VI (XV) / Ин-т истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН. М.; Л.: Изд-во АН СССР; М.: Наука. Вып. VI. Отв. ред. С. С. Илизаров. М.: Янус-К, 2018. С. 157–158.

⁸¹ Пчелов Е. В. Указ. соч. С. 159.

⁸² Там же.

подобного рода в живописном искусстве»⁸³. Следовало ли в данном случае искусство за реальностью или пыталось эту реальность конструировать? Возможно, то и другое.

Рис. 4. Д. Г. Левицкий. **Портрет Е. И. Молчановой** (1758–1809). 1776 г. Государственный Русский музей, Санкт-Петербург

В целом выявленные факты позволяют сделать вывод о том, что последние два десятилетия XVIII века в России ознаменовались если не расцветом женской образованности и занятий науками, то по крайней мере высочайшим поощрением подобных увлечений со стороны монархии: от назначения княгини Е. Р. Дашковой в 1783 году директором Петербургской академии наук до публикации в 1785 году типографией Новикова перевода научного труда немецкой естествоиспытательницы Марии Сибиллы Мериан; от издания биографического словаря, включившего в свой словник имена ученых женщин, в 1790–1798 годах до публикации первого труда российских девушек, посвященного предметам натуральной истории, в 1792 году и публичного признания их заслуг Екатериной II. На этом фоне статья господина Гартига 1793 года смотрится вполне органично. Она свидетельствует о том, что в образованной части российского общества проблемы женского «занятия науками» обсуждались, возможно, вызы-

⁸³ Там же. С. 160–161.

вали споры, что идея о необходимости женского просвещения и «занятия науками» не только была произнесена вслух, но и получила своих защитников и противников. Она также может свидетельствовать о существовании в этот период некоторого количества «женщин-ученых», достаточного для того, чтобы вызвать общественный интерес и общественную дискуссию. Если бы их вообще не было, как иногда представляется нам сегодня, то и обсуждать было бы нечего.

Глава 2

«Ученая женщина», «философка», «женщина со вкусом»... Новые понятия в русском литературном языке начала XIX века

И что такое... ученая женщина, философка, женщина со вкусом?
К. Пучкова. *О женщинах* // *Аглая*. 1810

Подтверждением распространения среди российских женщин интереса к наукам в конце XVIII – начале XIX века может служить появление в русском языке уже в первое десятилетие XIX века понятий «философка», «ученая женщина», употреблявшихся по отношению к некоторым дамам. Например, Ф. Ф. Вигель (1786–1856), описывая в мемуарах историю своего знакомства с некоей девицей А. А. Турчаниновой, имевшую место примерно на рубеже XVIII и XIX веков, говорит о ней: «...у нас ее знали под именем философки»⁸⁴. В 1810 году писательница Екатерина Наумовна Пучкова (1792–1867) в одной из своих статей вкладывает следующий вопрос в уста героя, точнее, антигероя повествования: «И что такое... – спрашивает он, – ученая женщина, философка, женщина со вкусом?»⁸⁵ В последующие 1811–1815 годы употребленные в различных контекстах словосочетания «ученая женщина», «ученая дама» или просто определение «ученая», высказанное по отношению к женщине, становятся вполне привычными и часто встречаемыми на страницах отечественных журналов⁸⁶. Естественно предположить, что эти определения пришли на страницы периодических изданий из повседневной жизни, что журналисты в данном случае отреагировали на возникновение какого-то уже заметного в обществе явления, а именно на появление женщин, открыто интересовавшихся различными науками.

Однако уже в начале 1810-х годов словосочетание «ученая женщина» перестает быть нейтральным. Так, оставшийся анонимным автор статьи «О учености прекрасного пола» в 1811 году задавался следующим вопросом: «Удивительно, почему прилагательное *ученый*⁸⁷ – в женском роде, щекотливо для уха мужчин...?»⁸⁸ Несколько лет, предшествовавших Отечественной войне 1812 года, были ознаменованы целым потоком статей в общественно-литературной периодической печати, обсуждавших проблемы женской учености, женского образования, отношения женщин к наукам. Тема стала настолько привычной, что, например, автор упомянутой статьи «О учености прекрасного пола» нашел возможным начать ее следующими словами: «*Беспрестанно*⁸⁹ спорят о том, и никто еще не решил сего спора, способны ли женщины к знаниям и наукам, и какой род учености наиболее приличен им?»⁹⁰ Стилистические жанры этих публикаций достаточно разнообразны. Они представлены как серьезными, написанными в академическом стиле работами, рецензиями и псевдорецензиями на иностранные труды по теме, так и ярко полемическими статьями, содержащими известную долю язвительности, а также краткими, можно сказать энциклопедическими, биографиями известных ученых и просвещенных женщин, принадлежавших к разным странам и временам. Содержание их

⁸⁴ Вигель Ф. Ф. Записки. М.: Захаров, 2003. Т. 1. С. 107.

⁸⁵ Пучкова К. О женщинах // *Аглая*. 1810. Ч. X. Кн. 1. С. 46–47.

⁸⁶ См., например: Улей. 1811. № VII. Ч. II. С. 38–43; Вестник Европы. 1811. Ч. LVII (57). № 9. С. 58–59; Кабинет Аспазии. Литературный журнал. 1815. Кн. 2. С. 76–84 и др.

⁸⁷ Курсив автора. — О. В.

⁸⁸ О учености прекрасного пола // Улей. 1811. № VII. Ч. II. С. 42.

⁸⁹ Курсив наш. — О. В.

⁹⁰ О учености прекрасного пола // Улей. 1811. № VII. Ч. II. С. 38.

гораздо менее разнообразно. В сухом остатке мнения авторов делились между двумя лагерями: противников и защитников женской учености. Причем не всегда можно с легкостью определить, сторонники какой из двух позиций сохраняли за собой преимущество в тот или иной период времени.

Конечно, существовали и разные оттенки. Так, некоторые авторы, как, например, автор статьи «О учености прекрасного пола», писавший: «Я не вхожу в решение спора между поносителями и защитниками их. Non nostrum componere lites (не наше дело столько примирять!)»⁹¹, – формально претендовали на беспристрастность, несмотря на то что при чтении произведения усомниться в их позиции было невозможно. Другие, отзываясь отрицательно об ученых женщинах как таковых, считали нужным сделать исключение для некоторых особых разделов знания, например для русскоязычной литературы. К этим последним, по мнению Ю. М. Лотмана, принадлежал и Н. М. Карамзин, признававший развитие языка и словесности главными рычагами прогресса, а женщин – главными, если можно так сказать, двигателями этих последних: «В этих условиях особая надежда возлагалась на женщин, – писал Ю. М. Лотман. – Дамский вкус делался верховным судьей литературы...»⁹² Вообще мнение о том, что именно великосветские женщины должны приучить российское общество говорить и читать, а потом и писать по-русски, достаточно широко бытовало в российской журнальной критике указанного периода. Однако оказалось вдруг, что для выполнения подобной задачи женщинам пришлось бы выйти из строго очерченного для них как законом, так и общественным мнением круга семейной жизни, и здесь-то выяснилось, что цель оправдывает средства и что женщины могут стодиться для чего-то помимо приятного времяпрепровождения, супружества и материнства.

Характерный пример подобного отступления от строгих правил женского поведения являла, например, речь сатирика и журналиста Александра Федоровича Воейкова (1779–1839), опубликованная в 1810 году в «Вестнике Европы». Речь эта, посвященная влиянию женщин на развитие изящных искусств, по словам автора, была произнесена им в обществе, собиравшемся в доме одной дамы. Время здесь проводили в чтении и обсуждении литературных произведений, особенно переводов, сравнивая эти последние с оригиналами. Начав с заявления о том, что «...нет ничего невозможного для женщин»⁹³, автор перечислял знаменитые деяния россиянок, далекие от скромной роли прилежной супруги и матери: «Наши Бытописания сохранили нам знаменитые опыты женского патриотизма. Женщина ввела в Россию Христианскую веру. Женщина спасла нам Петра Великого и не допустила Россию погрузиться в прежний мрак невежества и бессилия. Женщина украсила, возвеличила, прославила Россию, дала законы Государству и права гражданам, ввела вкус и вежливость при Дворе своем, потрясла Константинополь и Стокгольм громом победоносного своего оружия, покорила Крым и Польшу. *Женщина недавно занимала в Академии нашей первое место между учеными*⁹⁴. Женщинам отчасти обязана Россия освобождением от Польского ига...» – восклицает он⁹⁵. Но для чего автор так, можно сказать, яростно воспекает успехи женщин на общественном, политическом и научном поприще? Совсем не для того, чтобы призвать государство к введению женского равноправия. Просто есть дело, с которым, по мнению А. Ф. Воейкова, могут справиться только женщины. Но для того чтобы они захотели этим делом заняться, им следует объяснить, что их жизненное предназначение несколько шире узких рамок семейной жизни, что чувства патриотизма, ревности к славе своего отечества не должны быть им чужды. Объяснить, используя исторические прецеденты, конечно. И только после этого может быть постав-

⁹¹ Там же. С. 38–39.

⁹² Лотман Ю. М. Русская литература на французском языке // Лотман Ю. М. Избранные статьи. Т. 2: Статьи по истории русской литературы XVIII – первой половины XIX века. Таллинн, 1992. С. 360.

⁹³ Воейков А. Речь // Вестник Европы. 1810. Ч. XLIX. № 4. С. 272.

⁹⁴ Курсив наш. – О. В.

⁹⁵ Воейков А. Речь // Вестник Европы. 1810. Ч. XLIX. № 4. С. 275–276.

лена задача: «Милостивые Государыни! Вы должны учить нас языку и вкусу. В наши времена вам не нужно быть мученицами за Веру; не нужно поощрять воинов к сражению с неприятелями Отечества, или и самим сражаться; не нужно посылать рыцарей к защищению невинности от злых волшебников; в наши времена народы соревнуют друг другу в успехах просвещения; Государства хотят быть славны открытиями и пережить века в произведениях изящных художеств. Продолжайте, Милостивые Государыни! Любить Словесность; ее слава неразлучна с вашею славою, со славою Отечества»⁹⁶.

Но существуют свидетельства того, что точка зрения А. Ф. Воейкова и Н. М. Карамзина по поводу роли, которую призваны были сыграть женщины в развитии русскоязычной литературы и, более широко, русского языка, разделялась далеко не всеми. В журнале «Аглая» за тот же 1810 год была опубликована статья писательницы Екатерины Наумовны Пучковой (1792–1867), описывающая обсуждение описанной выше «речи» А. В. Воейкова, имевшее место во время одного из светских мероприятий. По ее свидетельству, три или четыре женщины, пять или шесть мужчин обсуждали лежавший на столе «Вестник Европы» и читали вслух «прекрасную речь» А. Ф. Воейкова⁹⁷. «Все хвалили мысли и слог Сочинителя, – пишет Е. Н. Пучкова, – все желали вместе с ним размножения *женщин – любительниц наук и искусств*⁹⁸. Разговор сделался живее; похвала женщинам гремела во всех устах»⁹⁹. Но вот нашелся один мужчина, решившийся противоречить общему мнению: «И что такое... – сказал он, — *ученая женщина, философка, женщина со вкусом?*¹⁰⁰ Чем разнятся оне от обыкновенных женщин? Сии просты, скучны, сварливы, а другие притворны, хитры и мстительны: вот плоды просвещения»¹⁰¹. По словам Е. Н. Пучковой, присутствующие были возмущены подобным заявлением, но все молчали, и только одна из дам (из контекста понятно, что это – сама Е. Н. Пучкова) решилась возразить. Тактика этой защиты довольно любопытна. Прежде всего, дама (в статье автор называет ее Всемила) признается, что сама имеет «ограниченные познания в словесности» и не участвует «в хитростях женщин»: «...не будучи ни философкою, ни ученою, даже не имея славы назваться *женщиною со вкусом*¹⁰², – говорит она, – смею однако ж заметить, что рассудок и просвещение равно нужны как мужчинам, так и женщинам»¹⁰³. А далее следует аргумент, который впоследствии будет повторен в десятках, если не сотнях статей, посвященных образованию женщин: «Природа, как нежная мать, всех равно наделяет своими дарами. Мужчины лучше нас пользуются ими; виноваты ли мы в том? Их наставляют в твердости духа, в терпении; разум их стараются обогащать познаниями. *А у нас отнимают все способы к приобретению сведений*¹⁰⁴; можно сказать, что с первою каплею молока поселяют в нас обо всем ложные понятия и притворство»¹⁰⁵.

Мы наблюдаем здесь создание алгоритма, которому в течение последующих лет будут следовать споры о характере женского образования. Объяснение неспособности женщин к какому-либо профессиональному труду крайне поверхностным характером женского образования, а также тем, что у женщин «отнимают все способы к приобретению сведений», станет очень популярным в 50–60-е годы XIX века. Оно вполне согласуется и с фразой, сказанной Е. Н. Пучковой в завершение и, возможно, предназначавшейся для утешения самолюбия ока-

⁹⁶ Воейков А. Речь // Вестник Европы. 1810. Ч. XLIX. № 4. С. 276.

⁹⁷ Пучкова К. О женщинах // Аглая. 1810. Ч. X. Кн. 1. С. 43–44.

⁹⁸ Курсив автора. — О. В.

⁹⁹ Пучкова К. О женщинах // Аглая. 1810. Ч. X. Кн. 1. С. 44.

¹⁰⁰ Курсив автора. — О. В.

¹⁰¹ Пучкова К. О женщинах // Аглая. 1810. Ч. X. Кн. 1. С. 46–47.

¹⁰² Курсив автора статьи. — О. В.

¹⁰³ Пучкова К. О женщинах // Аглая. 1810. Ч. X. Кн. 1. С. 48.

¹⁰⁴ Курсив наш. — О. В.

¹⁰⁵ Пучкова К. О женщинах // Аглая. 1810. Ч. X. Кн. 1. С. 51–52.

завшегося на тот момент в меньшинстве противника, а возможно, отражавшей истинную точку зрения автора: «С женщинами, как с детьми, должно уметь обходиться, забавлять их; – оне, как дети, полюбят вас всем сердцем, и вы можете делать из них все, что вам угодно»¹⁰⁶. Впоследствии эта мысль также будет просматриваться у многих авторов-мужчин, выступавших по вопросам женского образования в середине – второй половине XIX века.

К 20-м годам XIX века (а возможно, что и ранее) сочетание слов «ученая» и «женщина» приобретает некоторый неодобрительный оттенок. Как будто соединение этих слов означает нечто стыдное, что-то, чего следует избегать по мере сил, а уж если не удалось, то скрывать от окружающих, как неприличную болезнь. Так, например, филолог-лингвист барон Адольф-Андре Мериан (1772–1828)¹⁰⁷, постоянный консультант и корреспондент княгини Зинаиды Александровны Волконской (1792–1862), увлекшейся изучением славянских древностей и встретившей неодобрение общества, писал ей, предположительно в 1825 году: «Да не охладит стужа, которая Вас теперь окружает, Вашего усердия к истории и языкам! Храни Вас Господь от досадного положения *ученой женщины*, оставьте его дурнушкам – но на него Вам укажут при первой же возможности; [храни Вас] от этого *бесцветного вздора*, который тем хуже, чем более завоевывает видимого расположения, которое на деле ничего не значит. Не будьте ученой, – восклицает Мериан, – пусть ученые будут в Вашем распоряжении, поощряйте их в создании трудов для Вас и обогащайте свой вкус и редкую восприимчивость сокровищами, которыми они Вас одарят. Ничто не мешает Вам оставаться юной, прекрасной, в высшей степени любезной – и в то же время быть *покровительницей новой системы*, которая образовывается и распространяется, или, вероятнее, *всего древнего*, что поднимается из бездны... Вы будете богиней истины и простоты... – она пренебрегла Олимпом. Специально для тех, кто не желает, чтобы княгиня занималась филологией»¹⁰⁸. Таким образом, даже благожелательно относящийся к образованной и увлеченной научными предметами женщине человек предостерегает ее от звания «ученой».

Биограф поэтессы и переводчицы Елизаветы Борисовны Кульман (1808–1825), известной своими феноменальными способностями к изучению языков, пошел еще дальше, чувствуя необходимость тем или иным способом оправдать хоть и выдающиеся, но не совсем подobaющие способности девушки: «Ее часто видели задумчивую, иногда вдохновенную, но всегда почти скромную, любезною девицею, чуждою всяких притязаний на отличие. Особенно никто не мог предполагать в ней сочинительницы: она хранила под покровом глубочайшей тайны плоды своих поэтических восторгов: один г[осподин] Гроссгейнрих (ее преподаватель. — О. В.) слышал, как билось, как звучало сердце ее в часы священного жертвоприношения Искусству. *Нет! Это была не ученая женщина: может быть, она должна была и умереть, чтобы не сделаться ею*¹⁰⁹. Это было просто прекрасное создание, только поставленное на высшей ступени человечества. Она писала от избытка сил душевных; она хотела, чтобы ее некогда прочли и поняли: кто же и из ангелов не хотел бы, чтобы прочли и поняли его сердце? Так! Она была ангелом на земли, и умерла в семнадцать лет, чтобы не перестать быть им», – пишет литературный критик, редактор, цензор, в будущем доктор философии и профессор, а также известный мемуарист Александр Васильевич Никитенко (1804–1877) в 1835 году¹¹⁰.

Конечно, предположение, что девушка должна была умереть, дабы не сделаться в глазах своих знакомых «ученой женщиной», выглядит несколько преувеличенно и немного излишне

¹⁰⁶ Там же. С. 53.

¹⁰⁷ André Merian. Краткую информацию о нем см.: Пушкин по документам архива М. П. Погодина / Публикация М. Цявловского // [А. С. Пушкин: Исследования и материалы]. М., 1934. С. 690.

¹⁰⁸ Цит. по: Сайкина Н. В. Московский литературный салон княгини Зинаиды Волконской. М., 2005. С. 23–24.

¹⁰⁹ Курсив наш. — О. В.

¹¹⁰ Никитенко А. Елисавета Кульман // Библиотека для чтения, журнал словесности, наук, художеств, промышленности, новостей и мод. СПб., 1835. Т. 8. С. 77.

патетически. Тем не менее подобное высказывание кажется вполне логичным, хоть и доведенным до абсурда завершением концепции, в соответствии с которой излишнее образование, а тем более интерес к наукам противоестественны в женщине.

Тем не менее в первой четверти XIX века упоминания об «ученых женщинах» начинают мелькать не только в частных письмах и публицистике, но и в художественной литературе, и в театре. Так, 28 ноября 1810 года на сцене одного из петербургских театров был сыгран небольшой отрывок из пьесы Мольера «Ученые женщины»¹¹¹. Этот же отрывок вскоре был опубликован в «вольном переводе» в «Сочинениях» Ивана Ивановича Дмитриева (1760–1837)¹¹² под названием «Триссотин и Вадиус». Пьеса Мольера «Ученые женщины», впервые сыгранная в Париже в театре Пале-Рояль 11 марта 1672 года и опубликованная через год, в 1673 году¹¹³, представляет собой злую и язвительную пародию как на «ученых» женщин, так и на ученых мужей (хоть и в меньшей степени). И. И. Дмитриев как раз перевел диалог между двумя героями-мужчинами, являвшийся сатирой скорее на ученых мужей, чем на ученых дам. Но сама постановка и последовавшая публикация могли привлечь внимание публики к пьесе, никогда ранее не шедшей в России, в то время как Мольер (как в переводах, так и в оригинале) был чрезвычайно популярен в стране в начале XIX века. Известный французский исследователь, автор монографии «Мольер в России» Ю. Патуйе писал об этом: «Театр в это время пользуется все возрастающим успехом. Пушкин бредит им со времен Царского Села, Грибоедов и его друзья пробуют свои силы в области драматургии; театралы с жаром спорят об авторах, пьесах и исполнителях»¹¹⁴, – отмечая, что Мольер служил «драгоценным источником» для театраль-ных постановок и бенефисов, поскольку в нем не было ничего «ниспровергающего основы»¹¹⁵. По данным Ю. Патуйе, между 1802 и 1850 годами «...можно перечислить внушительное количество переводов, как полных, так и в отрывках, подражаний и переделок наиболее известных пьес Мольера». Патуйе также утверждал, что «образованные люди читают его в подлиннике, знакомство с его произведениями обязательно входило в программу воспитания дворянских детей; дед Пушкина, говорят, знал его наизусть; и когда сам Пушкин в стихотворении *Городок*, 1814 г., говорит об “исполине Мольере”, он высказывает не только свое личное, но и общепризнанное мнение»¹¹⁶.

20 августа 1818 года состоялось первое полное представление пьесы «Ученые женщины» Мольера на российской сцене, в Большом театре С.-Петербурга. Пьеса шла в переводе Ал. Гав. Волкова и была, по сведениям историка отечественного театра Пимена Николаевича Арапова (1796–1861), «...обставлена лучшими артистами»¹¹⁷. Таким образом, со знаменитой сцены в столице России устами лучших артистов было озвучено мнение любимого и уважаемого всеми автора о том, какое именно учение прилично женщине, в частности следующий монолог на эту тему одного из главных героев – Кризалия, с которым он обращается к своей супруге:

Все книги вечные, – на кой они нам бес?
Плутарх – ну, тот хоть толст, – для брыжей славный пресс.
Давно пора вам сжечь весь этот скарб ученый,
Науку завещав профессорам Сорбонны,
И, образумившись, освободить чердак

¹¹¹ Арапов П. Летопись русского театра. СПб., 1861. С. 207.

¹¹² Дмитриев И. И. Триссотин и Вадиус. Отрывок из Мольеровой Комедии: *Les Femmes savantes* // Дмитриев И. И. Сочинения Дмитриева. М.: в Универ. тип., 1810. С. 76–80.

¹¹³ Бояджиев Г. Н. Комментарии // Мольер Ж.-Б. Собр. соч.: В 2 т. М.: Худ. лит., 1957. Т. 2. С. 699.

¹¹⁴ Патуйе Юлий. Мольер в России. Берлин, 1924. С. 28.

¹¹⁵ Там же.

¹¹⁶ Патуйе Юлий. Мольер в России. Берлин, 1924.

¹¹⁷ Арапов П. Указ. соч. С. 267.

От длинной той трубы, что всех пугает так,
От сотни разных штук (смотреть на них досада!);
В дела луны совсем мешаться вам не надо.
Заботить должен вас хотя б немного дом,
Где все давным-давно уже идет вверх дном.
Не принято у нас (тому причин немало),
Чтоб девушка росла, учась, и много знала.
В привычках честности воспитывать детей,
Прислугой управлять и кухнею своей
И с экономией сводить свои расходы, —
Такой науки ей должно хватить на годы.

И далее по тексту¹¹⁸. Конечно, эти слова вложены в уста недалекого ретрограда, но при этом ретрограда доброго и здравомыслящего. Так что автор если и не разделял его точку зрения, то вполне мог ее одобрять. Кроме того, с момента написания пьесы до петербургской постановки 1818 года прошло 146 лет и та «мода на ученость» во Франции, над которой посмеялся Мольер, имела мало отношения к российской действительности. Однако учитывала ли все эти нюансы российская публика? Или просто смеялась, с удовольствием принимая пьесу любимого автора? Или постановка оказалась не такой уж успешной и оскорбила примерно половину из числа присутствовавших зрителей, то есть женщин? Как ни странно, но это последнее вполне возможно, в особенности потому, что после 1818 года пьеса Мольера «Ученые женщины» не ставилась на сцене петербургских театров вплоть до 1890 года. В Москве, правда, в Малом театре она была поставлена вновь несколько раньше, в 1877 году¹¹⁹, и, заметим, не переводилась на русский язык. Уже в 1872 году писатель, основатель и секретарь «Общества русских драматических писателей» Владимир Иванович Родиславский (1828–1885) мог смело утверждать, говоря о переводе А. Г. Волкова: «Это единственный, сколько нам известно, перевод комедии *Les femmes savants* на русском языке. На Московской сцене он не шел и не был напечатан. К сожалению, я не имел в руках этого перевода и ничего не могу сказать о нем»¹²⁰.

Но оказала ли постановка 1818 года влияние на убеждения молодых светских людей, завсегдатаев светских балов и салонов, молодых поэтов, писателей, публицистов, создававших своими насмешливыми высказываниями и язвительными публикациями «общественное мнение»? Очень даже может быть, что и оказала.

В феврале – октябре 1824 года А. С. Пушкин работает над третьей главой «Евгения Онегина»¹²¹, в которую включает знаменитую XXVIII строфу:

Не дай мне бог сойтись на бале
Иль при разъезде на крыльце
С семинаристом в желтой шали
Иль с академиком в чепце!

в одночасье сделав образ «академика в чепце» смешным в глазах своих читателей, то есть всего образованного общества. Но кто были эти женщины, подвергавшиеся насмешкам молодых светских щеголей за свои «неженские» увлечения науками? Можно ли сегодня восстановить их имена? Сохранились ли какие бы то ни было следы их деятельности?

¹¹⁸ Мольер Ж.-Б. Ученые женщины / Пер. М. Тумповской // Мольер Ж.-Б. Собр. соч.: В 2 т. М.: Худ. лит., 1957. Т. 2. С. 556 и др.

¹¹⁹ Бояджиев Г. Н. Комментарии... С. 699.

¹²⁰ Родиславский В. И. Мольер в России // Русский вестник. 1872. № 3. С. 65.

¹²¹ См.: Лотман Ю. М. Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий: Пособие для учителя. Л., 1983. С. 225.

Некоторые современные филологи, в том числе доктор филологических наук Н. В. Забурова, предполагают, что А. С. Пушкин изобразил математика княгиню Евдокию Ивановну Голицыну (1780–1850)¹²². С другой стороны, Ю. М. Лотман полагал, что в данном отрывке речь идет о поэтессе Анне Петровне Буниной (1774–1828)¹²³. Не вступая в прения с профессиональными мнениями филологов (хоть и столь различными), рискнем все же предположить, что в упомянутой строфе А. С. Пушкин мог создать *собирательный* образ светской дамы, интересы которой простирались дальше нарядов, сплетен и балов. Будучи знакомым и с Е. И. Голицыной, и с А. П. Буниной, конечно, зная о З. А. Волконской (если к этому моменту еще не был с ней знаком лично), об увлекавшейся естественными науками А. А. Турчаниновой и, вполне может быть, о других, поэт со свойственной ему наблюдательностью и проницательностью заметил и зафиксировал явление, видимо еще новое для российского общества, но, несомненно, уже присутствовавшее в его жизни и обращавшее на себя внимание окружающих, – появление «ученой дамы». В его стихах отразилось скептически-насмешливое отношение общества к богатым, прекрасно образованным светским красавицам, пожелавшим выйти из образа дамы, чье главное предназначение – служить изысканным украшением гостиной. Это к ним можно отнести высказывание В. О. Михневича, объяснявшего полное, на его взгляд, отсутствие литературных «памятников нерукотворных», созданных российскими женщинами, следующим образом: «Это <...> следует объяснить не недостатком талантливости и умственного развития в среде образованных русских женщин минувшего столетия, а тем, что женщинам даровитым, умным и развитым, которые могли бы, при других условиях, прославить свои имена плодотворной творческой деятельностью, совершенно чужда была тогда сама идея женского профессионального труда на каком бы ни было поприще и всего более – на научно-литературном. Вследствие этого, дарования и знания либо заглушались в выдающихся, богато одаренных природой женских натурах суетной светской жизнью, либо растрчивались на дилетантские пустяки»¹²⁴. И в этом жестком и хлестком высказывании, как нам кажется, есть приличная доля истины. Сама обстановка жизни светской дамы – безусловно модной красавицы и души литературного и светского салона, изысканной, блестящей и безупречной – придавала ей в глазах окружающих оттенок некоторой поверхности, несерьезности. Ее повседневную жизнь сковывали десятки неписаных, но при этом жестких правил поведения, пренебрежение которыми могло дорого обойтись.

И тем не менее именно среди русских аристократок (преимущественно титулованных) в первые десятилетия XIX века появляется интерес к науке, возможно поверхностный, но при этом декларируемый открыто. Они не просто приглашают в свои салоны ученых и слушают их речи, поощряя рассказчика доброжелательной улыбкой. Нет. Они не стесняются высказывать собственное мнение по предметам очень специальным. Они заходят даже так далеко, что публикуют свои собственные книги, и не романтические повести или печальные стихи, к которым общество сумело уже как-то привыкнуть, а философские и математические размышления. Привыкнув к созданному самим обществом образу «прекрасных и всевластных королев», они осмеливаются дискутировать с академиками, совершенно не желая понимать, что их власть заканчивается за дверью их гостиной. Неудивительно, что подобное поведение встречается с неодобрением, что титул «ученой дамы», еще такой новый, приобретает презрительный и пренебрежительный оттенок. Неудивительно, что ученые мужи рекомендуют своим сиятельным патронессам избегать этого прозвания. Тем не менее неодобрение светского общества не

¹²² Забурова Н. Ночная княгиня // RELGA – научно-культурологический журнал. 1999. № 18 [24]. URL: <http://www.relga.ru>.

¹²³ Лотман Ю. М. Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий: Пособие для учителя. Л., 1983. С. 225.

¹²⁴ Михневич В. О. Указ. соч. С. 244.

помешало российским женщинам заниматься науками, и занятия эти, как мы увидим далее, принимали самые разнообразные формы.

Глава 3

«Мы все учились понемногу...», или Естественно-научное образование российской благородной барышни в первой половине XIX века

Г. Медер имел двух дочерей... Ему была обязана Елисавета уроками рисования, танцевания и музыки, и уроками ботаники, минералогии, физики и математики, которые он преподавал сам.

К. Гросгейрих. Елисавета Кульман и ее стихотворения. 1849

Однако, чтобы проявлять более или менее серьезный интерес к естественным и математическим наукам, необходимо иметь соответствующее образование. В фундаментальных работах историка женского образования XIX века Е. О. Лихачевой самым подробным образом рассмотрены как существовавшие концепции женского образования, так и программы средних женских учебных заведений – пансионов, различных институтов благородных девиц. К сожалению, не из воспитанниц институтов вышли известные нам любительницы наук первой половины XIX века – это были представительницы аристократии, получавшие домашнее образование, о составе которого известно на сегодняшний день гораздо меньше. Конечно, «художественная» часть этого обязательного образования обсуждалась достаточно подробно – изучение иностранных языков, музыки и танцев, рукоделия, но вот об изучении предметов естественно-научного цикла и математических в курсах домашнего женского образования обычно не упоминается. Значит ли это, что их не изучали? Рассмотрим этот предмет несколько более подробно.

Именно публицистические статьи, публиковавшиеся в общественно-политических журналах, так же как и художественные произведения начала – первой четверти XIX века повлияли в том числе и на современные представления о характере образования, получавшегося российскими женщинами дворянского происхождения на протяжении всего XIX века (кроме, может быть, последних его десятилетий). В общественном мнении современников, перешедшем с течением времени на страницы исторических исследований, образование молодых благородных женщин соответствовало их будущей жизненной роли хозяйки дома, супруги и матери и поэтому просто не могло не быть крайне поверхностным. Больше других мы обязаны этими нашими представлениями Александру Сергеевичу Грибоедову.

В сентябре 1823 года А. С. Грибоедов впервые читал свою только что написанную комедию «Горе от ума» в литературных кругах Москвы. Летом 1824 года – в аристократических и литературных салонах Петербурга¹²⁵. И знаменитое поныне высказывание Фамусова:

Дались нам эти языки!
Берем же побродяг, и в дом и по билетам,
Чтоб наших дочерей всему учить, всему —
И танцам! и пенью! и нежностям! и вздохам!¹²⁶

стало всеобщим источником информации о том, чему именно учили московских барышень в первые десятилетия XIX века и, по экстраполяции, всех вообще российских женщин

¹²⁵ Пиксанов Н. К. Комедия А. С. Грибоедова «Горе от ума» // Грибоедов А. С. Горе от ума. М.: Наука, 1969. Литературные памятники. С. 255.

¹²⁶ Грибоедов А. С. Горе от ума. М.: Наука. С. 15. Стб. 130–135.

благородного происхождения. Отголоски этих представлений попали не только в многочисленные публицистические статьи второй половины XIX века, но даже в исторические исследования ученых века XX. Например, крупный историк декабризма Элеонора Александровна Павлюченко в своей замечательной монографии «Женщины в русском освободительном движении: от Марии Волконской до Веры Фигнер» пишет о занятиях ссыльных декабристов науками: «Женщины воодушевляли мужчин на творчество, и в этом их немалая заслуга перед историей. <...> конечно, к “серьезным занятиям” (историей, физикой, фортификацией и т. д.) женщины не допускались. Да они и не были к этому подготовлены»¹²⁷. «Не допускались» и «не были подготовлены» – две совершенно разные вещи. Для Э. А. Павлюченко «не были подготовлены» представляется чем-то само собой разумеющимся, хотя несколькими страницами ранее она сама замечает по другому поводу: «Случалось, укрощало администрацию и уголовников само обаяние молодых образованных¹²⁸ женщин»¹²⁹. Так «образованных» или «не подготовлены»?

Кажется, что некоторая неразбериха в этом вопросе присутствовала уже в самом начале XIX века. В той же знаменитой комедии «Горе от ума» Фамусов (и мы все, знающие его высказывания с детства) прекрасно осведомлен, чему именно он учил свою дочь. Но вот всего через несколько страниц, когда Чацкий начинает ругать пристрастие москвичей к учителям-иностранцам, вдруг выясняется, что у несомненно считающегося образованным мужчины и юной девушки были, оказывается, одни и те же учителя и, более того, учились-то они вместе:

Наш ментор, помните колпак его, халат,
Перст указательный, все признаки ученья
Как наши робкие тревожили умы,
Как с ранних пор привыкли верить мы,
Что нам без немцев нет спасенья! —
А Гильоме, француз, подбитый ветерком?¹³⁰ —

обращается Чацкий к Софье. А если учились они вместе, то и образование у них должно быть примерно одинаковым: Чацкий ведь не оканчивал университетов, по окончании домашнего воспитания он служил в гвардии.

Действительно, в различных воспоминаниях, оставшихся нам от первой четверти XIX века, можно встретить упоминания о том, что при доминировавшем в этот период домашнем образовании, по разным причинам, родные, двоюродные братья и сестры, а иногда и просто соседские дети обучались вместе. Так, знаменитый впоследствии ученый, академик Императорской академии наук К. М. Бэр (1792–1876) писал, что при большом количестве в семье разновозрастных детей все они по необходимости учились вместе вначале у одной гувернантки, а потом у одного учителя. В своей автобиографии он вспоминал об этом преподавателе: «Господин Штейнгрюбер так любил математику и обладал такими педагогическими дарованиями, что заинтересовал курсом математической географии даже обеих девочек, хотя моя двоюродная сестра не отличалась ни интересом к знаниям, ни способностями»¹³¹. Екатерина Ивановна Раевская (1817–1899), по возрасту принадлежа уже к следующему поколению, вспоминала, что обучалась вместе с братом, потому что таково было желание ее матери Софьи Гавриловны Бибиковой (1787–1856). «Брат старший, Александр, воспитывался со мною, – пишет

¹²⁷ Павлюченко Э. А. Женщины в русском освободительном движении: от Марии Волконской до Веры Фигнер. М.: Мысль, 1988. С. 31.

¹²⁸ Курсив наш. — О. В.

¹²⁹ Павлюченко Э. А. Указ. соч. С. 29.

¹³⁰ Грибоедов А. С. Указ. соч. С. 26. Стб. 100–105.

¹³¹ Бэр К. М. Автобиография. Б.м.: Изд. АН СССР, 1950. С. 57.

она, – вместе мы играли, вместе учили уроки. Брат учился математике, латинскому языку, и я с ним по собственной охоте всему этому училась»¹³².

Так какое же образование получали благородные российские барышни? Похоже, их современники-мужчины, повлиявшие и на нашу точку зрения по этому вопросу, сами находились в замешательстве. Причем А. С. Грибоедов не был единственным. Другой наш великий поэт и общепризнанный эксперт во всем, что касалось нравов его эпохи, А. С. Пушкин писал в «Евгении Онегине» об увлечениях юной, еще незамужней Татьяны Лариной:

Ей рано нравились романы;
Они ей заменяли все;
Она влюблялася в обманы
И Ричардсона и Руссо¹³³.

Ю. М. Лотман, комментируя эти строки, счел нужным остановиться на том, кем был английский романист Самуил Ричардсон (1689–1761), создатель знаменитого литературного героя, заслужившего титул «идеала всех мужей», Грандисона, однако не посчитал необходимым прокомментировать пассаж о Руссо, ставя тем самым этих двух деятелей литературы на одну доску. Что довольно-таки странно, поскольку вряд ли можно сопоставить, во всяком случае в образовательном плане, чтение сентиментальных романов и чтение романов Руссо, не говоря уже о других произведениях этого последнего.

Таким образом, если допустить осторожное предположение, что в первой четверти XIX века начальное и среднее домашнее образование дворянских мальчиков и девочек, по крайней мере в отдельных случаях, могло быть примерно одинаковым, то распространенный миф о «недостаточном» по сравнению с мужчинами образовании дворянских девушек был не чем иным, как именно мифом, порожденным официальной пропагандой, а также опасениями, которые, на наш взгляд, блестяще сформулировал автор «Вестника Европы» в рецензии на очередную книгу графини де Жанлис¹³⁴ в 1811 году: «Упражнение в науках и словесности есть ли необходимая принадлежность женщины? Власть ее не ограничивается ли кругом домашнего хозяйства и семейственных обязанностей? <...> Ученая женщина захочет ли заниматься мелочами домашнего хозяйства? Имея мужа, не столь как сама просвещенного¹³⁵, не вздумает ли иногда нарушить закон, предписывающий ей почтение и покорность?»¹³⁶

Вообще мысль о том, что молодые дворянские девушки *более* образованны, чем их ровесники-мужчины, мелькает в публицистических статьях первого десятилетия XIX века. И, как правило, в одном и том же контексте: «Скажите мне, как можно хотеть, чтобы девица, которая провела первые годы свои посреди искусств, посреди художников, посреди похвал и ласкательств, не была горда и тщеславна? Как хотеть, чтобы она повиновалась мужу, *не столь как она сама обработавшему свои способности*¹³⁷, потому что юношеские годы свои провел он в армии?»¹³⁸ Следует ли понимать, что в то время, как молодой человек призван служить своему отечеству, молодая девушка имеет возможность получать образование и развивать свои спо-

¹³² Раевская Е. И. Воспоминания Екатерины Ивановны Раевской // Исторический вестник: Историко-литературный журнал. 1898. Декабрь. С. 945.

¹³³ Пушкин А. С. Евгений Онегин. Роман в стихах // Пушкин А. С. Стихотворения: В 3 т. Л.: Сов. писатель, 1954. Т. 3. С. 55. Строфа XXIX.

¹³⁴ Genlis de. De l'influence des femmes sur la littérature Française comme protectrices des lettres et comme auteurs, ou Précis de l'histoire des femmes Françaises les plus célèbres. Par M-me de Genlis. Un Vol. A. Paris, 1811.

¹³⁵ Курсив наш. — О. В.

¹³⁶ Краткая история славнейших Французских женщин // Вестник Европы. 1811. Ч. LIX (59). № 17 (сентябрь). С. 47.

¹³⁷ Курсив наш. — О. В.

¹³⁸ Л. а. Д... а. О воспитании женщин // Вестник Европы. 1811. Ч. LVII (57). № 10. С. 149.

собности? Конечно, публицисты здесь немного лукавят: в том возрасте, в котором дворянские юноши отправлялись служить в армию, дворянские девушки уже выходили замуж и вскоре становились матерями. Тем не менее такое ли уж поверхностное образование получали юные аристократки, особенно в области естественных и математических наук, как это принято было считать? К сожалению, наши источники по этому предмету более чем скудные, особенно в том, что касается первой четверти XIX века.

В отличие от казенных и даже частных учебных заведений при домашнем обучении, как правило, не создавалось никакой делопроизводственной документации, которая могла бы быть нам полезна. Часто сохранившиеся сведения фрагментарны и очень кратки. Прекрасный пример этому представляют сведения об образовании, полученном известной поэтессой Анной Петровной Буниной (1774–1828), известной в обществе своим интересом к наукам и эксцентричностью поведения. Принадлежа по рождению к одному из древнейших российских дворянских родов, она рано осталась сиротой, все детство жила в деревне, не получив никакого образования, кроме самого элементарного (что бы это ни означало). Однако по достижении совершеннолетия, получив доступ к завещанному отцом состоянию, она в 1802 году переехала в Петербург и потратила практически все имевшиеся у нее деньги на учителей. Как пишут современные биографы А. П. Буниной, она «...стала изучать английский, французский, немецкий языки, *физику, математику*¹³⁹, П. И. Соколов, известный профессор филологии¹⁴⁰, преподавал ей литературу, так же как и Борис Бланк¹⁴¹, ее племянник и коллега-поэт»¹⁴². Источник этих сведений, правда, не совсем ясен. Историк-славист Константин Яковлевич Грот (1853–1934) в биографическом очерке, посвященном А. П. Буниной, отмечал, что помимо ее собственных обращенных к А. С. Шишкову стихов,

Достигши совершенных лет,
Наследственну взяла от братьев долю,
Чтоб жить в свою мне волю.
Тут музы мне простерли руки!
Душою полюбя науки,
Лечу в Петров я град,
Наместо молодцов и франтов,
Зову к себе педантов.
Но ах! науки здесь сребролюбивы,
Мой бедный кошелек стал пуст.
Я тотчас оскудела¹⁴³.

¹³⁹ Курсив наш. — О. В.

¹⁴⁰ Петр Иванович Соколов (1764–1835) – писатель и журналист; с 1793 г. – член Российской академии, с 1802 г. – ее неприменный секретарь; с 1819 г. – библиотекарь Петербургской академии наук. А. П. Бунина не была единственной ученицей П. И. Соколова. Например, он преподавал русский язык и литературу будущему поэту и декабристу князю А. И. Одоевскому (1802–1839). Вот что пишет биограф этого последнего, И. А. Кубасов: «П. И. Соколов, – человек, если и не отличающийся даровитостью, то обладавший солидными знаниями и языка, и литературы, в своем роде человек универсальный и начитанный; без сомнения, он мог научить Одоевского языку и вообще дать немало разносторонних познаний; Одоевский писал безукоризненно грамотно и излагал свои мысли на русском языке не хуже, чем на французском, которым владел блестяще» (*Кубасов И. А. А. И. Одоевский (Биографический очерк) // Одоевский А. И. Стихотворения и письма. Воспоминания об А. И. Одоевском. М., 2003. С. 12*).

¹⁴¹ Бланк Борис Карлович (1769–1826) – поэт. В 1930 г. К. Я. Грот писал о нем, делая доклад в Обществе древней письменности: «Борис Карлович был небезызвестным, очень плодовитым, “неистощимым”, как его прозывали, но довольно беспетальным стихотворцем уже вырождавшейся сентиментальной школы: он был всего на 5 лет старше А. П. [Буниной], но, конечно, мог быть ее руководителем в литературных сферах» (*Грот К. Я. Поэтесса Анна Петровна Бунина (К 100-летней годовщине ее смерти 4 декабря 1829 г.) // С.-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 281. Оп. 1. Д. 12. Л. 128, 129, 137–186. http://www.ostrov.ca/kgrot/ap_bunina.htm*).

¹⁴² Dictionary of Russian Women Writers / Edited by M. Ledkovsky, C. Rosental, M. Zirin. London, 1994. P. 108.

¹⁴³ *Грот К. Я. Поэтесса Анна Петровна Бунина (К 100-летней годовщине ее смерти 4 декабря 1829 г.) // С.-Петербургский*

у нас нет никаких сведений об этом периоде жизни А. П. Буниной: «Подробнее об условиях и обстоятельствах детства А. П., а также ее учения мы, к сожалению, почти ничего не знаем», – пишет и К. Я. Грот¹⁴⁴. Однако само стремление А. П. Буниной к образованию не подлежит сомнению. По сведениям близкого друга ее племянников Эразма Ивановича Стогова (1797–1880), историка Сибири и автора воспоминаний, это стремление учиться не покинуло ее и в последующие годы. Э. И. Стогов пишет: «Могу засвидетельствовать, что она не переставала учиться»¹⁴⁵. Мы не располагаем информацией о том, сохранился ли ее юношеский интерес к физике и математике в более зрелом возрасте (если предположить, что сведения биографов точны и такой интерес вообще имел место). Тем не менее впоследствии она серьезно и профессионально занималась литературой, в том числе и теорией литературы. Так, в 1808 году А. П. Бунина перевела с французского и опубликовала работу аббата Шарля Батте (1713–1780) «Правила поэзии», добавив к ней сведения о российском стихосложении¹⁴⁶, бесспорно заслужив звание «ученой».

А. П. Бунина, безусловно, была человеком выдающимся, выбивающимся из ряда. Интереснее было бы, наверно, посмотреть на женщину, исполнявшую в жизни роль супруги и матери, предписанную ей общественной моралью, не блиставшую никакими особыми талантами. Какое образование получала она?

К нашей радости, сохранились, например, некоторые учебные материалы и записи Марии Николаевны Толстой, рожденной княжны Волконской (1790–1830), прославившейся только тем, что она была матерью Л. Н. Толстого (!), позволяющие в общих чертах судить о ее обучении. В частности, сохранились две тетради, первая из которых озаглавлена: «Некоторые примечания, ведущие к познанию хлебопашества в сельце Ясной Поляне»; и вторая, несколько большая по объему: «Примечания о Математической, Физической и Политической Географии»¹⁴⁷. С. Л. Толстой описывает ее содержание следующим образом: «На обложке, по видимому рукой Николая Сергеевича¹⁴⁸, написано: “Для княжны Волконской”. Сначала идет вступление: § 1. География есть описание земли. § 2. Земля (шар земной) есть тело почти шарообразное, считающееся между планетами и т. д. § 3. География разделяется на 3 части: 1) на математическую, 2) на физическую, 3) на политическую и т. д. Затем идет Отделение первое – “о математической географии”, “о начале разделения Астрономии в разных системах мира”. Тут же даются определения системам мира: Пифагора, Платона и Птолемея, система Египтян, система Коперника, Тихо-Багрова¹⁴⁹». Затем даются объяснения по Копернику – «О звездах», «о планетах», «о земле». Следующий отдел посвящен «Политической географии». В § 1 говорится: «Государства управляются владетелями или светскими или духовными: а) между светскими примечания достойны Императоры, Короли, Князья, Курфюсты, Ерцгерцоги» и т. д., б) между духовными: Папа со своими кардиналами, Архиепископы, Епископы, Аббаты или Игумены». Затем идут характеристики «деспотического или самодержавного правления», «монархического или самодержавного», «аристократического» и «демократического или народного», в

филиал Архива Российской академии наук. Ф. 281. Оп. 1. Д. 12. Л. 128, 129, 137–186. http://www.ostrov.ca/kgrot/ap_bunina.htm.

¹⁴⁴ Там же.

¹⁴⁵ *Стогов Э.* Очерки, рассказы и воспоминания Эразма Стогова. VI: П. Н. Семенов и А. П. Бунина // Русская старина. Ежемесячное историческое издание. 1879. Т. 24. № 1–4. С. 52.

¹⁴⁶ *Баттё Ш.* Правила поэзии. Сокр. пер. аббата Батё. С присовокуплением российского стопосложения. СПб., 1808.

¹⁴⁷ *Толстой С. Л.* Мать и дед Л. Н. Толстого. Очерки жизни, дневники, записки и письма по неизданным материалам. М., 1928. С. 42.

¹⁴⁸ Имеется в виду Н. С. Волконский, отец М. Н. Толстой.

¹⁴⁹ Так в тексте. — *О. В.*

котором «законодательная власть зависит от всего народа». Кончаются записки кратким описанием Европы и России¹⁵⁰.

Так же сохранилась и опубликована «Дневная запись для собственной памяти», сделанная М. Н. Толстой во время ее поездки в С.-Петербург летом 1810 года, из которой видно, что во время своего первого пребывания в столице империи молодая княжна вместо посещения светских мероприятий и модных лавок посетила Биржу, Эрмитаж, Кунсткамеру, шпалерную фабрику, Бертову фабрику, где осмотрела паровую машину, чугунный мост, дом под названием «паноптикум», в котором работало несколько тысяч мастеровых и также помещалась паровая машина и другие механизмы, стеклянную фабрику, фарфоровую фабрику, Александровскую чулочную фабрику, Петропавловскую крепость, Петергоф, где осматривала сады и фонтаны, и, наконец, Академию художеств¹⁵¹.

Современные литературоведы не сомневаются, что прототипом одной из главных героинь романа Л. Н. Толстого «Война и мир», княжны Марьи Болконской, является мать писателя Мария Николаевна Толстая, урожденная Волконская, а знаменитая сцена с описанием урока княжны Марьи, который дает ей отец (часть 1, раздел XXII), написана на основании реально происходивших событий¹⁵². Напомним, действие происходит в 1812 году. Старый князь Николай Андреевич Болконский, который, по словам Л. Н. Толстого, считал, «что есть только две добродетели: деятельность и ум», сам занимался воспитанием дочери и, «чтобы развить в ней обе главные добродетели, давал ей уроки *алгебры и геометрии*¹⁵³ и распределял всю жизнь ее в беспрерывных занятиях»¹⁵⁴.

И похоже, что случай М. Н. Толстой был не единственным. Екатерина Ивановна Раевская (1817–1899) считала нужным описать необычные для ее времени и окружения (как ей казалось) образование и образ мыслей своей матери, Софьи Гавриловны Бибиковой (1787–1856), почти ровесницы М. Н. Толстой. Вторая дочь из семнадцати детей екатерининского генерала, вышедшего в отставку в 1783 году в чине генерал-майора Гаврилы Ильича Бибикова (1743–1803) и его супруги Екатерины Александровны, урожденной Чебышевой (1767–1833), Софья Гавриловна, как и все остальные дети в семье, обучалась у иностранных гувернанток, но не только у них. «Пока дедушка был жив, – пишет Е. И. Раевская, – он следил за уроками, даже некоторые уроки старшим двум дочерям давались при нем, в его кабинете. Но после него вряд ли кто о них заботился. Из всех дочерей одна матушка опередила свой век. Она мне говорила, что умный и образованный отец ее, которого она лишилась на четырнадцатом году от рождения, до тех пор постоянно держал ее при себе, и что его влиянию она обязана *любовью своей к науке*¹⁵⁵»¹⁵⁶. Трудно понять, что подразумевает здесь Е. И. Раевская под словом «наука». Правда, некоторые ее последующие высказывания позволяют отчасти расшифровать это. «С молодых лет матушка училась сама, – пишет далее Е. И. Раевская, – а впоследствии обучала меньших сестер и брата Илью... Будучи молодой девушкой, матушка читала все тогдашние исторические и философские книги, за что и выносила немало насмешек от родных. Конечно, это было уже после смерти любившего ее образованного отца»¹⁵⁷. По словам мемуаристки, род-

¹⁵⁰ Толстой С. Л. Указ. соч. С. 42–43.

¹⁵¹ Волконская М. Н. Дневная запись для собственной памяти // Толстой С. Л. Мать и дед Л. Н. Толстого. М., 1928. С. 78–109.

¹⁵² См., например: Толстой С. Л. Указ. соч. С. 43; Гусев Н. Н. Лев Николаевич Толстой. Материалы к биографии с 1828 по 1855 год. М., 1954. С. 44–45.

¹⁵³ Курсив наш. — О. В.

¹⁵⁴ Толстой Л. Н. Война и мир. М., 1955. Т. 1. С. 113.

¹⁵⁵ Курсив наш. — О. В.

¹⁵⁶ Раевская Е. И. Воспоминания Екатерины Ивановны Раевской // Исторический вестник. Историко-литературный журнал. 1898. Ноябрь. С. 548.

¹⁵⁷ Там же.

ственники даже прозвали ее мать «Вольтером», что звучало в их устах очень обидно. Однако молодая женщина не обращала на это внимания: «Но матушку не смущали эти насмешки и пересуды: она продолжала твердо идти своим путем», – пишет ее дочь¹⁵⁸. В другом месте она добавляет: «В свободное время матушка круглый год много читала, всего более исторических, философских книг, из литературы же только выдающихся писателей. Пустых романов я у нее в руках никогда не видала. <...> Отец в шутку нам говаривал: “O! maman sait tout et encore quelque chose” (“О! мама знает все и еще кой-что в придачу”»)¹⁵⁹, подчеркивая в то же самое время, что любимое занятие матери было скорее редким исключением среди ее ровесниц, чем правилом: «Тогдашние же барыни аристократки не занимались рукоделием по примеру прабабушек своих, сидевших за прялками в высоких теремах. И чтением они не особенно интересовались; матушка моя была в свое время редким исключением», – замечает она¹⁶⁰.

Но так ли это? Анна Петровна Бунина (1774–1828), Софья Гавриловна Бибикина (1787–1856), Мария Николаевна Толстая (1790–1830)... Возможно, этот ряд можно продолжить, было бы желание.

Существуют данные, указывающие, что уже при жизни следующего поколения, то есть дочерей упомянутых нами дам и их ровесниц, преподавателями женщин-аристократок, случалось, выступали академики и университетские профессора.

Например, сохранились подробные сведения об образовании, полученном начинающей поэтессой Елизаветой Борисовной Кульман (1808–1825), к сожалению очень рано умершей. Возможно, именно поэтому люди, хорошо ее знавшие, захотели оставить подробное описание ее жизни, а поскольку жизнь эта главным образом состояла из обучения, то мы имеем в нашем распоряжении очень полный и дотошный отчет. Ее преподавателями были доктор права Карл-Фридрих фон Гроссгейнрих (1783–1860), а также специалист в области геологии и горного дела Петр Иванович Медер (1769–1826), бывший в 1818–1826 годах командиром Горного кадетского корпуса в С.-Петербурге.

У Е. Б. Кульман рано проявился талант к языкам. По воспоминаниям К.-Ф. фон Гроссгейнриха, она исключительно по собственному желанию и с минимальной посторонней помощью изучила почти все древние и новые европейские языки, свободно говорила и писала на них, делала переводы. Уже к шести годам она говорила и читала бегло по-немецки и по-русски, чем была обязана своей матери¹⁶¹. На одиннадцатом-двенадцатом году жизни она изучала английский, французский и итальянский языки, читая сочинения классических писателей, а также занималась латынью и древнеславянским языком со знакомым священником¹⁶². Тогда же К.-Ф. фон Гроссгейнрих предложил ей изучать древнегреческий язык¹⁶³. В тринадцать лет Е. Кульман «уже перевела Анакреона, в прозе на пяти языках, а белыми стихами на трех любимых ею языках: русском, немецком и итальянском; прочла уже много из Гомера, знала от начала до конца путешествие Анахарсиса Младшего, Бартеlemi, и Павсаниево описание Греции...»¹⁶⁴. Вскоре она начала изучать (и вполне успешно) еще три языка (одновременно): испанский, португальский и новогреческий¹⁶⁵. Она не только свободно читала классические произведения на всех языках, но и писала на них, делала переводы с одного языка на другой в стихах и в прозе.

Тем не менее, несмотря на выдающийся талант к языкам, Е. Кульман изучала не только их. «Не было травки, даже самой ничтожной, которую любознательная девочка не хотела

¹⁵⁸ Раевская Е. И. Указ. соч. С. 548.

¹⁵⁹ Там же. С. 953.

¹⁶⁰ Там же. Ноябрь. С. 555.

¹⁶¹ Гроссгейнрих К. Елисавета Кульман и ее стихотворения. СПб., 1849. С. 25.

¹⁶² Там же. С. 50.

¹⁶³ Там же. С. 52.

¹⁶⁴ Там же. С. 55.

¹⁶⁵ Там же. С. 81.

бы знать по имени, и странно бывало слышать, как она целый ряд растений называла одни немецкими, другие английскими, а иные и латинскими именами, потому что *учитель ботаники*¹⁶⁶ Елисаветы был англичанин, изъяснявшийся изрядно по-немецки, но плохо по-русски», – пишет К.-Ф. фон Гроссгейнрих¹⁶⁷. Преподаватель или наставник, как называет сам себя К.-Ф. фон Гроссгейнрих, в какой-то период опасался чрезмерного воображения девушки. «Желая восстановить необходимое между воображением и рассудком равновесие, наставник полагал, что пора познакомить Елисавету с действительным подлунным миром, т. е. учить ее Истории и Географии. <...>, – рассказывает он и продолжает: – Надобно видеть радостное изумление Елисаветы при первом ее взгляде на ландкарты. Наставник купил у приятеля своего пять карт, представлявших вид земли в целом и четыре части света отдельно и подарил их своей ученице в осьмой день ее рождения»¹⁶⁸.

Вместе с дочерьми П. И. Медера Е. Кульман изучала предметы искусства и... естественно-исторического цикла. К.-Ф. фон Гроссгейнрих пишет: «Г. Медер имел двух дочерей, одну ровесницу с Елисаветою, другую годом моложе. Этот достойный отец, окончив свои служебные занятия, остальное время посвящал воспитанию своих дочерей. Поведение Елисаветы и уже тогда приметные великие дарования ее снискали ей в такой высокой мере благосклонность его, что он вскоре дозволил ей учиться вместе с его дочерьми всему, что им преподавали. Ему была обязана Елисавета уроками рисования, танцевания и музыки, и *уроками ботаники, минералогии, физики и математики, которые он преподавал сам*¹⁶⁹. Сверх того обе дочери его сделались ее подругами и оставались ими до самой смерти Елисаветы; она же имела удовольствие отплатить хотя отчасти своим подругам за благодеяния, которыми осыпал ее человеколюбивый отец их. Обе дочери в обращении с Елисаветою усовершенствовались в немецком языке, и выучились у нее итальянскому и английскому»¹⁷⁰. К.-Ф. фон Гроссгейнрих следующим образом описывал вечера, проводимые дамами Кульман в семействе П. И. Медера: «... если господин Медер бывал дома и ничем не занят, он с своими двумя дочерьми и Елисаветою садился за стол и начинал с ними *беседу, о предметах, касающихся географии, истории и физики, нередко восходил со своими юными слушательницами на высоты астрономии, или углублялся в таинства геологии*¹⁷¹. Между тем эти академические заседания, как называли их дамы, составлявшие общество бабушки (господин Медер был вдов), не всегда бывали серьезные, но по временам оживлялись рассказом какого-нибудь забавного приключения с путешественником»¹⁷². Рассказывая об одном особенно памятном вечере, К.-Ф. фон Гроссгейнрих замечает: «В тот вечер господин Медер беседовал о минералогии, одной из любимых наук его и Елисаветы»¹⁷³.

О любви Елизаветы Кульман к минералогии упоминал и другой ее биограф – литературный критик, редактор, цензор, в будущем доктор философии и профессор Александр Васильевич Никитенко (1804–1877), основывавшийся не только на сведениях, почерпнутых из «бумаг» Е. Кульман, но и на «словесных показаниях особ, знавших ее лично»¹⁷⁴: «Учась Естественной Истории, она часто посещала богатый минералогический кабинет в Горном Корпусе.

¹⁶⁶ Курсив наш. — О. В.

¹⁶⁷ Гроссгейнрих К. Указ. соч. С. 12.

¹⁶⁸ Там же. С. 33.

¹⁶⁹ Курсив наш. — О. В.

¹⁷⁰ Гроссгейнрих К. Указ. соч. С. 43–44.

¹⁷¹ Курсив наш. — О. В.

¹⁷² Гроссгейнрих К. Указ. соч. С. 128.

¹⁷³ Там же.

¹⁷⁴ Никитенко А. Елисавета Кульман // Библиотека для чтения, журнал словесности, наук, художеств, промышленности, новостей и мод. СПб., 1835. Т. 8. Прим. к с. 41.

Кто бы мог подумать, смотря там на эту прекрасную девицу, прилежно всматривающуюся в каждый камушек, что она делает это не для одной забавы?» – удивлялся биограф¹⁷⁵.

И К.-Ф. фон Гроссгейнрих, и А. В. Никитенко подчеркивали, что овдовевшая мать Е. Кульман не обладала состоянием и была бедна (по меркам «общества», надо полагать). Именно поэтому, писал К.-Ф. фон Гроссгейнрих, возник вопрос о том, что Е. Кульман должна выбрать себе профессию, дабы иметь возможность зарабатывать на жизнь. И она выбрала профессию воспитательницы. Очень любопытные слова, якобы сказанные Е. Кульман по этому поводу, приводит К.-Ф. фон Гроссгейнрих: «Я рассмотрела звание воспитательницы со всех сторон, и нашла, что могу без большого труда приобрести необходимые для того качества. *Языки, история, география, естественная история, физика, математика, литература главнейших европейских народов, вот, мне кажется, главные предметы, которые требуются от учительницы, и это те самые предметы, которыми я до сих пор преимущественно занималась*¹⁷⁶; я также знаю музыку, рисование и рукоделия; а сколько я приметила, часто и того не требуют»¹⁷⁷. Действительно ли это было мнением юной шестнадцатилетней девушки или самого почтенного доктора права, но этот перечень дает представление об образовательных требованиях, предъявлявшихся к российским дворянкам.

В данном случае мы видим еще одного отца, а также друга семьи (каким был К.-Ф. фон Гроссгейнрих для семьи Кульман), занимавшихся обучением своих девочек. Но сохранились сведения о том, что некоторые аристократические семьи *нанимали* в преподаватели дочерям профессиональных ученых. Например, в краткой биографии Анны Михайловны Раевской (1820–1883) читаем: «Она... получила очень тщательное домашнее образование; между прочим, ей давал уроки профессор Остроградский, который удивлялся ее замечательным способностям к математике»¹⁷⁸. Речь здесь идет об известном математике Михаиле Васильевиче Остроградском (1801–1861), с 17 декабря 1828 года бывшим адъюнктом по прикладной математике Императорской академии наук, 21 декабря 1831 года ставшем ординарным академиком по прикладной математике, а с 15 июня 1855 года – по чистой математике.

Следует отметить, что некоторые публицисты 30-х годов XIX века, в противовес общепринятому стереотипу, пишут об *избыточности* женского образования: «Юные девицы выучивают сперва французский, немецкий, английский, итальянский языки: сии четыре языка суть главная основа здания; потом история, география, хронология, арифметика, правила поэзии, музыка вокальная и инструментальная, рисование, живопись, декламация и танцы; урок за уроком следует беспрестанно; исключая часы обеда и время прогулки, летом юныя жертвы совершенства работают с шести часов утра до самого ужина», – писал оставшийся анонимным автор в статье «О воспитании женщин в России» в 1831 году¹⁷⁹, замечая, правда, что подобное обучение не приносит никакой пользы, кроме вреда¹⁸⁰. Так что дело было, видимо, не в наличии (или отсутствии) у мужчин свободного времени для получения образования, а в распроstrаненном комплексе неполноценности, не позволявшем мужскому самолюбию пережить мысль о более умной, чем он, и образованной женщине. Эта мысль прямо и ясно, без малейших обиняков высказана в одном из произведений графини де Жанлис «Женщина-Автор. Сказка госпожи Жанлис», опубликованном в 1802 году в «Вестнике Европы». Выясняя вопрос о том, почему женщина не должна быть публикующимся автором, точнее, почему общество не допу-

¹⁷⁵ Там же. С. 49.

¹⁷⁶ Курсив наш. – О. В.

¹⁷⁷ Гроссгейнрих К. Указ. соч. С. 59.

¹⁷⁸ [Анучин Д. Н.] Анна Михайловна Раевская // Известия Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. 1896. Т. XC. Вып. III. Труды антропологического отдела. Т. 18. Вып. III. С. 513.

¹⁷⁹ Ш-а. К-а. Н-я. О воспитании женщин в России (из L'Hermiten Russie) // Дамский журнал. 1831. Ч. XXXVI. № 42. С. 33–34.

¹⁸⁰ Там же. С. 35.

стит, чтобы женщина могла быть публикующимся автором, графиня, сама опубликовавшая несколько десятков произведений (если не более), устами своих героинь говорит следующее: «Разумею: ты думаешь, что женщина, делаясь Автором, *переряжается* и бросает перчатку мужчинам...» – спрашивает дерзкая Эмилия. «Без сомнения, – отвечает сестре благоразумная Доротея и поясняет: – Они сражаются на этой сцене, дорожат победою, и не уступят лавров своим бедному, слабому *получеловеку*¹⁸¹»¹⁸².

Уже граф Сегюр, описывая свое пребывание при дворе Екатерины II в 80-е годы XVIII века, замечал: «Все, что касается до обращения и приличий, было перенято превосходно. Женщины ушли далее мужчин на пути совершенствования. В обществе можно было встретить много нарядных дам, девиц, замечательных красотою, говоривших на четырех и пяти языках, умевших играть на разных инструментах и знакомых с творениями известнейших романистов Франции, Италии и Англии. Между тем мужчины, исключая сотню придворных, каковы например: Румянцевы, Разумовские, Строгоновы, Шуваловы, Воронцовы, Куракины, Голицыны, Долгоруковы и прочие, большею частью были необщительны и молчаливы, важны и холодно вежливы и, по видимому, мало знали о том, что происходило за пределами их отечества»¹⁸³.

И еще господином Гартигом в 1793 году была высказана мысль, что единственная причина отрицательного отношения к образованию женщин и к образованным женщинам – выгода, извлекаемая мужчинами из их невежества. «Для чего в то время, когда просвещение со дня на день умножается, они осуждены оставаться во мраке?» – задает он вопрос. И сам же отвечает: «Для того, что предрассудок воспитания берет верх над самым разумом; для того, что женщины довольствуясь тем, что могут нравиться прелестями красоты, не радят о продолжительнейших прелестях разума и чувствований; для того, *что большая часть мужчин имеют свои выгоды в том, что препятствуют просвещению их ума, которое бы открыло им их слабости, и могло бы предохранить их от оных*¹⁸⁴»¹⁸⁵.

Этот вывод хорошо перекликается с замечанием, записанным в 1810 году в свой собственный альбом А. П. Буниной в ответ на ремарку Александра Семеновича Шишкова (1754–1841)¹⁸⁶ следующего содержания: «Всего похвальнее в женщине кротость, в мужчине справедливость»¹⁸⁷. Как замечает К. Я. Грот, опубликовавший записи из альбома А. П. Буниной, «последнее изречение Шишкова очевидно задело за живое Бунину...»¹⁸⁸. Видимо, действительно так оно и было, поскольку А. П. Бунина написала: «Кротость в женщине бывает двоякая: одна есть драгоценнейший ее монист, другая бесславие. Унижая себя, теряет она главное и единственное пола своего преимущество. Мужчине не противна бывает сия двоякая женщин кротость. Пользуясь ею, покушаются они на все и делаются самовластными господами. Помещику не бывает противно иметь многих слуг. Чем их более, тем более для него и выгод; но спросим у сих слуг, не пожелают ли они сделать некотораго с помещиком своим условия»¹⁸⁹.

В целом же, исходя из небогатых источников, имеющихся в нашем распоряжении, можно сделать вывод, что домашнее образование девушек-аристократок первой половины XIX века

¹⁸¹ Курсив автора. — О. В.

¹⁸² *Жанлис де*. Женщина-Автор. Сказка госпожи Жанлис // Вестник Европы. 1802. Ч. V. № 20. С. 250–251.

¹⁸³ *Сегюр, граф*. Записки графа Сегюра о пребывании его в России в царствование Екатерины II (1785–1789). СПб., 1865. С. 32–33.

¹⁸⁴ Курсив наш. — О. В.

¹⁸⁵ *Гартиг*. Указ. соч. С. 63–64.

¹⁸⁶ Шишков Александр Семенович (1754–1841) – государственный деятель, адмирал, президент Российской академии, основатель общества «Беседы любителей русского слова», оказывал покровительство А. П. Буниной.

¹⁸⁷ *Грот К. Я.* Альбом Анны Петровны Буниной // Русский архив. 1902. № 3. С. 503.

¹⁸⁸ Там же.

¹⁸⁹ Там же.

во многих случаях соответствовало образованию их братьев, просто потому, что братья и сестры обучались вместе или потому что отцы считали необходимым дать достойное образование своим дочерям. Образование, которое в будущем вполне позволяло им продолжить самообразование в избранных ими отраслях знания и даже заниматься ими вполне профессионально, о чем и пойдет речь в следующей главе.

Глава 4

Кабинеты натуральной истории и естественно-научные коллекции российских женщин в первой половине XIX века

В бабушкином кабинете было на что поглядеть и о чем призадуматься!.. Стены, пол, потолок, все было покрыто диковинками. Днем эти диковинки меня очень занимали, но в сумерки я бы ни за что не вошла одна в бабушкин кабинет!

В. П. Желиховская. Как я была маленькой. Из воспоминаний раннего детства

Наверно, самым распространенным видом научной деятельности любителей естественных наук еще с XVIII века было составление естественно-научных коллекций и создание личных кабинетов натуральной истории. Просвещенные дамы не стали исключением из этого правила. И как бы ни относилось светское общество к ученым дамам, ученые и учебные учреждения Российской империи охотно пользовались плодами научной деятельности женщин, причем не только российских. Так, в своей знаменитой «Истории императорского Московского университета» профессор С. П. Шевырев рассказывает о пожалованном 12 февраля 1802 года императором Александром I Московскому университету «Натуральном кабинете, купленном после бывшего воеводы Брацлавского, князя Яблоновского у его наследников за 50 000 голландских червонцев»¹⁹⁰. С. П. Шевырев основывал свое заключение на небольшой заметке, опубликованной в газете «Московские Ведомости» 1 марта 1802 года¹⁹¹. Однако журналист допустил небольшую неточность в этом сообщении, и вслед за ним ошибся С. П. Шевырев. Кабинет принадлежал не князю, а княгине – Анне Паулине Сапеге Яблоновской (1728–1800)¹⁹², владелице местечка Семятичи, и был куплен после ее смерти у ее наследников (в том числе графа Станислава Солтыка)¹⁹³. В 1802 году химик и минералог, академик Петербургской академии наук Василий Михайлович Севергин (1765–1826) по поручению правительства совершил путешествие из Петербурга в Семятичи¹⁹⁴, занявшее почти полгода (с 15 февраля по 1 июня), как он писал, «...для осмотра, приема и препровождения в Императорской московской университет, бывшего там Натурального кабинета покойной княгини Анны Яблоновской»¹⁹⁵. Во время поездки В. М. Севергин вел что-то вроде путевого дневника, в котором подробно описал как встреченные достопримечательности, так и сам Натуральный кабинет княгини. Эти записки были опубликованы уже в 1803 году под названием: «Записки путешествия по западным провинциям Российского Государства или Минералогические, хозяйственные и другие примечания, учиненные во время проезда чрез оныя в 1802 году академиком,

¹⁹⁰ Шевырев С. П. История императорского Московского университета, написанная к столетнему его юбилею. 1755–1855. Репринтное издание. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1998. С. 315.

¹⁹¹ В Москве // Московские ведомости. 1802. 1 марта. № 18. С. 258.

¹⁹² Książna Anna Paulinaz Sapiehów Jabłonowska (1728–1800).

¹⁹³ См.: Бессуднова З. А. Геологические исследования в Музее естественной истории Московского университета, 1759–1930. М.: Наука, 2006. С. 22.

¹⁹⁴ В описываемое время Семятич (Семятичи) принадлежал к прусской части Польши; впоследствии местечко вошло в состав Гродненской губернии Российской империи.

¹⁹⁵ Севергин В. М. Записки путешествия по западным провинциям Российского Государства или Минералогические, хозяйственные и другие примечания, учиненные во время проезда чрез оныя в 1802 году академиком, коллежским советником и ордена Анны второго класса кавалером Васильем Севергиным. СПб.: При Императорской Академии Наук, 1803. С. [1].

коллежским советником и ордена Анны второго класса кавалером Васильем Севергиным»¹⁹⁶. В. М. Севергин считал необходимым дать общее описание Кабинета княгини Яблоновской: «Сей кабинет расположен был в замке Семятиченском в четырех больших залах. Покойная княгиня Анна Яблоновская, супруга бывшего Брацлавского воеводы, урожденная княгиня *Canega*, обращала кажется внимание свое на все предметы упражнений разума человеческого. От сего происходит, что в сем кабинете находятся не только вещи до естественной истории принадлежащие; но также многие физические орудия, модели махин, медали и монеты древние и новейшие вазы, идолы и разные искусственные произведения, янтарные, костяные и другие как просвещенных, так и некоторых диких народов», – писал он¹⁹⁷. Из этой фразы можно не только получить некоторое представление о размерах и составе коллекций – не вызывает сомнений, что В. М. Севергин абсолютно уверен: этот самый состав зависел исключительно от круга интересов и увлечений княгини Яблоновской, то есть именно княгиня, а не ее покойный супруг (например) была инициатором создания Кабинета. Некоторым подтверждением мнения В. М. Севергина может служить фраза из биографии известного итальянского доктора философии и медицины Степана de Bisiis Trexopariensis (Бизи), опубликованная в словаре Брокгауза и Ефрона: «Познакомившись с княгиней Яблоновской, он отправился с ней в Польшу в качестве ее домашнего врача и жил три года в Семятычах, где был уже раньше основан музей естествознания, богатая библиотека и школа повивальных бабок»¹⁹⁸. По времени это событие относится к 1763–1768 годам. Как отмечает современный литовский исследователь А. Андриюсис: «Примечательно, что один из первых профессоров медицины Вильнюсского университета итальянец С. Л. Бизио (1724?–1790?) в 1763–1768 годах преподавал в акушерской школе поместья в Семятычах (Белоруссия), будучи придворным врачом у княгини А. Яблоновской»¹⁹⁹. О репутации, которой Кабинет Яблоновской пользовался в ученом мире, можно судить из объявления о публичных лекциях профессора Федора Герасимовича Политковского (1753–1809), опубликованного в третьем номере журнала «Периодическое сочинение о успехах народного просвещения» за 1803 год. В нем между прочим говорилось следующее: «Для сих лекций открыт будет почтенной публике Семятичский Натуральный кабинет, известный во всей Европе²⁰⁰ и принадлежавший княгине Яблоновской»²⁰¹.

Несмотря на заявление о том, что подробное описание Кабинета Яблоновской должны будут дать его новые владельцы, то есть сотрудники Московского университета²⁰², В. М. Севергин все-таки сделал некоторое описание коллекций в своих «Записках», по стечению обстоятельств оказавшееся единственным. Описание это состоит из двух частей: 1) общей характеристики предметов и 2) подробной характеристики собрания польских минералов, особенно привлечших внимание ученого своей полнотой, а также имевших отношение к его научным занятиям²⁰³. Общее описание Кабинета состоит из описания экспонатов по царствам природы и, далее, по месту их происхождения. О коллекции предметов животного царства В. М.

¹⁹⁶ Севергин В. М. Записки путешествия по западным провинциям Российского Государства или Минералогические, хозяйственные и другие примечания, учиненные во время проезда чрез оныя в 1802 году академиком, коллежским советником и ордена Анны второго класса кавалером Васильем Севергиным. СПб.: При Императорской академии наук, 1803.

¹⁹⁷ Там же. С. 77.

¹⁹⁸ Бизи или Бизио // Энциклопедический словарь. СПб., 1891. Т. 111а: Бергер – Бисы. С. 833.

¹⁹⁹ Андриюсис А. Подготовка акушерок в Вильнюсском университете и Медико-хирургической академии в 1774/75–1842 гг. // Медицинская профессура Российской империи. Краткое содержание и тезисы докладов научной конференции. М.: Изд. ММА им. И. М. Сеченова, 2005. С. 5–6.

²⁰⁰ Курсив наш. — О. В.

²⁰¹ Начертание о новоучреждаемом при Императорском Московском университете преподавании нужнейших и полезнейших наук для почтенной московской публики // Периодическое сочинение о успехах народного просвещения. 1803. № 3. С. 288.

²⁰² Севергин В. М. Указ. соч. С. 76.

²⁰³ Там же. С. 83.

Севергин пишет следующее: «Между телами животного царства отличались изящностью и редкостью своею как многие четвероногие; так и птицы, рыбы, Амфибии, насекомые, черви и животнорастения. А особливо птицы, а между Амфибиями змеи, между черепокожными же раковины, составляли собрания и многочисленные и изящные, так как и кораллы. К сему принадлежат также редкие анатомические препараты из воску сделанные, служащие для показания различных частей принадлежащих к орудиям чувств человеческих. Сие собрание в своем роде почти совершенное»²⁰⁴. Он отмечает: «Собрание к прозябаемому царству принадлежащее состояло из брусочков разных дерев, также камедей, смол и бальсамов, некоторых семян и других плодов, большею частию Европейских»²⁰⁵. О коллекции ископаемых замечает, что она содержала экспонаты из различных европейских стран, в том числе из Германии, Франции, Италии, Швейцарии, Испании, Португалии и Англии. Отмечая при этом небольшое количество минералов из России и других северных стран²⁰⁶, Севергин также дал описание наиболее интересных образцов минералов и назвал местности, из которых было получено наибольшее их количество: Гарц, Саксония, Кобург, Карслбад, Идрия, Гессен, Пруссия, Франция, Италия, Испания, Португалия и др., подробно описав, какие образцы из какой именно страны получены²⁰⁷. Таким образом, В. М. Севергин оценил коллекции княгини А. Яблоновской достаточно высоко.

Разумеется, представители Московского университета приняли подобный дар с большой благодарностью. Как писал автор заметки в «Московских ведомостях», «с чувствованиями живейшей благодарности и глубочайшего благоговения, преклоняя колена пред Престолом Великого Монарха и лобызая Отеческую щедрую Его десницу, Начальство Московского Университета священнейшею обязанностью своею поставляет сей столь драгоценный и во всей просвещенной Европе редкий дар, стараться всеми силами учинить общепольнейшим для всех любезных соотечественников и наипаче для обучающегося юношества»²⁰⁸. Конечно, Московский университет не мог не выразить благодарность должным образом, однако и современные специалисты оценивают научное значение Кабинета княгини А. Яблоновской достаточно высоко. По мнению, например, историка геологии З. А. Бессудновой, основанному на изучении записок В. М. Севергина, «... в этом Кабинете были собраны практически все минеральные виды, известные в Европе при жизни княгини Яблоновской»²⁰⁹.

Однако Натуральный кабинет княгини Яблоновской не был единственным вкладом женщины в создание коллекций и музеев Московского университета. В 1807 году другая княгиня, на этот раз российская, Екатерина Романовна Дашкова подарила Московскому университету свои собственные естественно-научные коллекции. 15 мая 1807 года «Московские ведомости» опубликовали следующую заметку: «Ее сиятельство, княгиня Екатерина Романовна Дашкова, урожденная графиня Воронцова, императорского всероссийского двора статс-дама, ордена Св. Екатерины большого креста кавалер, прежде бывший директором Императорской Санкт-Петербургской Академии наук, и член академий и славнейших в Европе ученых обществ, достойно заслужившая всеобщее уважение отличным соревнованием в распространении успехов просвещения, патриотизмом и своими сочинениями, благоволила принести в дар Императорскому Московскому университету свой кабинет редкостей натуральной истории. Сие драгоценное собрание, – к составлению которого ее сиятельством употреблено более тридцати лет, и к приращению которого содействовали царствовавшие высочайшие особы: Иосиф II,

²⁰⁴ Севергин В. М. Указ. соч. С. 77–78.

²⁰⁵ Там же. С. 78.

²⁰⁶ Там же.

²⁰⁷ Там же. С. 80.

²⁰⁸ В Москве // Московские ведомости. 1802. 1 марта. № 18. С. 258.

²⁰⁹ Бессуднова З. А. Геологические исследования в Музее естественной истории Московского университета, 1759–1930. М.: Наука, 2006. С. 23.

император Римский, курфюрст Саксонский, король Шведский, великий герцог Тосканский, и многие другие, – содержит в себе:

Животных, натуральных и окаменелых, числом	4806
Растений и суших плодов и пр.	765
Камней и руд	7934
Антиков отпечатков	1616
Вообще всего:	15121

Сей дар, посвященный ее сиятельством распространению наук и на пользу московской публики, стоящий более 50 000 рублей, помещен будет в залах, прикосновенных к музею Московского университета, расположенному во всевозможно удобнейшем для обозрения порядке, и таким образом, что как высочайше пожалованные, так и прочие подаренные редкости и драгоценности поставлены в особенных залах, кои для незабвенной памяти и благодарности означены именами, и украшены бюстами или портретами благотворителей и приносителей значительных даров сему училищу. Таковы залы суть: его императорского величества, благополучно царствующего всемилостивейшего государя; его превосходительства Павла Григорьевича Демидова; его сиятельства князя Александра Александровича Урусова; его сиятельства графа Александра Сергеевича Строгонова.

Сообразно сему расположению и благонамеренной цели, Императорский московский университет обязанностью своею почитает, расположа и сей новый дар новья Благотворительницы своей в особых залах, и отлича оныя именем ея сиятельства, украсить портретом ея, дабы оный навсегда был памятником признательнейшей благодарности, каковую обязаны будут все обучающиеся питать к особе ея в своих сердцах»²¹⁰.

Чуть больше чем через месяц, 26 июня 1807 года, Е. Р. Дашкова дополнила свой дар еще несколькими предметами: «Ныне благоволила она показать новый опыт благорасположения своего приношением для умножения и обогащения музея разных 332 предмета, – писали «Московские ведомости» 26 июня 1807 года. – Они составляют большую часть драгоценных камней, физические инструменты, антики, оригинальные рисунки, представляющие насекомых, трудов девицы Дрезд, сочинения исторические и принадлежащие к истории натуральной, знатное число книг для библиотеки, между коими особое заслуживает внимание Новый Завет, напечатанный по воле Императора Петра I на славянском и голландском языках»²¹¹.

Некоторые из подаренных Е. Р. Дашковой предметов оказались редкими и очень ценными с научной точки зрения, на основании их изучения были сделаны научные открытия, в частности профессором Московского университета Фишером фон Вальдгеймом (1771–1853)²¹². В примечании к статье о Ф. Г. Политковском, написанной для «Биографического словаря профессоров и преподавателей Императорского Московского университета», первый профессор геологии и минералогии Московского университета, один из выдающихся отечественных геологов Григорий Ефимович Щуровский (1803–1884) упоминает об использовании Ф. Г. Политковским собрания княгини Яблоновской во время проведения публичных лекций и добавляет: «Вскоре потом княгиня Екатерина Романовна Дашкова пожертвовала в пользу Московского университета богатейшее в тогдашнем ученом свете собрание минералов. Таким образом составилась при университете весьма богатый музей натуральной истории, и

²¹⁰ Московские ведомости. 1807. № 39. Мая 15 дня. Середя. С. 869–870.

²¹¹ Там же. № 51. 26 июня. Середя. С. 1116.

²¹² Об этом подробнее см.: *Бессуднова З. А.* Геологические исследования в Музее естественной истории Московского университета, 1759–1930. М.: Наука, 2006. С. 32–33.

самое лучшее, полнейшее собрание минералов, которому тогда во всей Европе не было подобного»²¹³.

С. П. Шевырев привел подробные данные о коллекциях, подаренных университету Е. Р. Дашковой, в своей знаменитой «Истории Московского университета», заимствовав их, по-видимому, из заметок в «Московских ведомостях»²¹⁴ (сам он не указывает источник своих сведений). Более подробного описания естественно-научных коллекций Е. Р. Дашковой, по сведениям современных исследователей, не сохранилось²¹⁵.

Таким образом, большей частью своих естественно-научных допожарных коллекций Московский университет был обязан научным интересам, личному труду, а также значительным материальным тратам двух женщин. И это «женское» происхождение никоим образом не смущало московских ученых и не мешало им использовать указанные собрания. Во всяком случае, никаких указаний на нечто подобное нами найдено не было. Хотя, конечно, журналист «Московских ведомостей», сообщивший о покупке Кабинета князя Яблоновского, мог сделать это совсем не случайно, а намеренно, дабы не умалять столь важного события упоминанием женского имени или чтобы не признавать значительных заслуг женщины в таком неженском деле. Но это только догадки.

Надо заметить, что в указанный период, то есть в начале XIX века, знатные женщины выступают не только как дарительницы своих кабинетов натуральной истории, но и как меценаты по отношению к научным учреждениям. Например, № 1 журнала «Периодическое сочинение о успехах народного просвещения» за 1803 год сообщает, что 12 декабря 1802 года «вдовствующая действительная тайная советница графиня Л'Есток, урожденная баронесса фон Менгден» прислала письмо в Дерптский университет, в котором сообщала, что назначает 15 000 рублей серебром в пользу учащихся этого университета. После ее смерти проценты с этого капитала должны быть использованы для трех стипендий по 200 рублей серебром в год для неимущих студентов из местного дворянства. Когда же благодаря процентам капитал возрастет до 16 000, следует назначить четыре стипендии²¹⁶. По-видимому, в данной заметке имеется в виду графиня Мария Аврора Лесток, дочь барона Магнута-Густава фон Менгдена, с 14 февраля 1742 года бывшая фрейлиной императрицы Елизаветы Петровны и 11 ноября 1747 года вышедшая замуж за лейб-медика, действительного тайного советника Иоганна Германа Лестока (1692–1767)²¹⁷, а в 1748 году разделившая с ним заключение в крепости и последовавшую многолетнюю ссылку. Подобное пожертвование свидетельствует о заинтересованности в судьбе университета, в распространении образования, в том числе среди тех, у кого недостаточно средств, чтобы оплатить его самим, то есть как минимум о понимании важности подобных занятий. Кроме того, по некоторым данным, графиня Лесток помимо денег пожертвовала университету свою библиотеку, которая могла быть на самом деле частью знаменитой медицинской и научной библиотеки ее супруга: «... известно, что в 1800 г. вдова бывшего лейб-медика передала в дар Дерптскому университету часть своей библиотеки – 378 томов, среди которых также могли оказаться отдельные книги из собрания И. Г. Лестока», – пишет П. И. Хотеев со ссылкой на известное издание: *Vigel E. Tartu Riikliku Ülikooli teadusliku raamatukogu asutamine ja areng aastail 1802–1839. Tartu, 1962. Lk. 15* (Tartu

²¹³ [Щуровский Г. Е.] Политковский, Федор Герасимович // Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Московского университета, за истекающее столетие, со дня учреждения января 12-го 1755 года, по день столетнего юбилея января 12-го 1855 года, составленный трудами профессоров и преподавателей, занимавших кафедры в 1854 году и расположенный по азбучному порядку. Ч. 2. М., 1855. С. 280–287.

²¹⁴ Шевырев С. П. Указ. соч. С. 372.

²¹⁵ См., например: Бессуднова З. А. Указ. соч. С. 32. Прим.

²¹⁶ Периодическое сочинение о успехах народного просвещения. 1803. № 1. С. 81–82.

²¹⁷ Фрейлины императрицы Елизаветы Петровны / Публ. [и вступ. ст.] К. А. Писаренко // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: Альманах. М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2007. [Т. XV]. С. 171.

Riikliku Ülikooli toimetised. V. 115)²¹⁸. Об этом также сообщает заведующая отделом научной литературы Научной библиотеки Тартуского университета О. Эйнасто в статье, посвященной 200-летию Тартуского университета: «Большая часть книг попала в библиотеку благодаря прекрасному обычаю XIX в. дарить книги. Первый дар библиотеке преподнесла графиня Мария Лесток, супруга лейб-медика императрицы Елизаветы Петровны»²¹⁹.

Конечно, и княгиня Яблоновская (не являвшаяся российской подданной), и княгиня Дашкова (европейски образованная и проведшая большую часть своей жизни в Европе), и графиня Лесток, принадлежавшая к влиятельному прибалтийскому дворянскому роду, были представительницами XVIII века, века Просвещения. Возможно ли, что XIX век внес свои коррективы и со сменой политического курса исчезли и женщины, чьи интересы выходили за узкие рамки, предписанные им общественной моралью? На первый взгляд кажется, что это так, но факты опровергают подобную точку зрения.

Первая половина XIX века представляет нашему вниманию нескольких женщин, широко известных своими кабинетами натуральной истории и интересом к естествознанию. На основании выявленных фактов можно также обоснованно предположить, что в этот период увлечение коллекционированием, прежде всего созданием ботанических коллекций, было распространено среди не только аристократок, но и более скромных представительниц провинциального дворянства.

Знаменитый отечественный мемуарист Ф. Ф. Вигель (1786–1856), рассказывая в воспоминаниях о своем детстве и полученном образовании, писал об одной даме, имевшей на него, тогда подростка, большое влияние: «Разговоры ее были для меня чрезвычайно привлекательны: она охотно рассказывала мне про связи свои с почтенными учеными мужами, профессорами Московского университета, хвалилась любовью и покровительством старого Хераскова, дружбою Ермила Кострова и писательницы княжны Урусовой. Первое знакомство с русскими музами сделал я в запыленном, засаленном *кабинетце*²²⁰ моей любезной Турчаниновой»²²¹. К сожалению, более подробного описания «кабинетца» Ф. Ф. Вигель не оставил, но из нескольких слов, брошенных им об этой даме, ясно видно, что она безусловно была любительницей наук: «Не имея еще двадцати лет от роду, она избегала общества, одевалась неряхую, занималась *преимущественно математическими*²²² науками, знала латинский и греческий языки, собиралась учиться по-еврейски и даже пописывала стихи, хотя весьма неудачно; у нас ее знали под именем философки», – пишет он²²³. По словам Ф. Ф. Вигеля, эта дама была близко знакома с монахами киевского Братского монастыря, бывшего в то время центром «киевской учености».

Ф. Ф. Вигель говорит здесь об Анне Александровне Турчаниновой (1774–1848), личности весьма известной в нашей литературе, правда благодаря не столько ее познаниям в естественных науках, сколько более позднему увлечению так называемым магнетизмом. Дочь богатых помещиков Киевской губернии²²⁴, она, по-видимому, занималась самообразованием, писала и публиковала стихи²²⁵, а также перевела и опубликовала по крайней мере две *книги* философского содержания: «Натуральная этика или законы нравственности, от созерцания

²¹⁸ Хотеев П. И. Библиотека лейб-медика И. Г. Лестока // Книга и библиотеки в России в XIV – первой половине XIX в.: Сб. научных трудов. Л., 1982. С. 44. Прим.

²¹⁹ Эйнасто О. 200-летие Библиотеки Тартуского университета // URL: http://www.gpntb.ru/win/ntb/ntb2002/11/f11_11.htm.

²²⁰ Курсив наш. — О. В.

²²¹ Вигель Ф. Ф. Записки. М., 2003. Т. 1. С. 107.

²²² Курсив наш. — О. В.

²²³ Вигель Ф. Ф. Указ. соч. С. 107.

²²⁴ Подробнее о семье Турчаниновых см.: Вигель Ф. Ф. Указ. соч. С. 106 и др.

²²⁵ См.: Турчанинова А. А. Отрывки из сочинений Анны Турчаниновой. СПб., 1803.

природы непосредственно проистекающие»²²⁶ и «Lettres philosophiques de Mr. Fontaine et de m-lle Tourtchaninoff» («Философские письма месье Фонтэйна и мадемуазель Турчаниновой») ²²⁷. В 20-е годы XIX века она приобрела широкую известность в петербургских великосветских кругах как магнетизерша, излечивавшая взглядом. Исследователи творчества А. С. Пушкина пишут о его интересе к явлению магнетизма и к Турчаниновой как человеку, обладавшему способностями к этому виду деятельности. Основываясь на сообщениях мемуаристов, в частности М. А. Салтыкова, они предполагают личное знакомство А. А. Турчаниновой и А. С. Пушкина.

Гораздо большую известность, причем именно в ученом мире, хотя и не только в нем, приобрел кабинет натуральной истории другой дамы, а именно Елены Павловны Фадеевой (1788–1860), урожденной княжны Долгорукой (по старшей линии этого известного в России рода). Ее внук, воспитывавшийся у нее в доме и научившийся читать и писать, сидя у нее на коленях, будущий председатель Совета министров Российской империи Сергей Юльевич Витте (1849–1915) писал в воспоминаниях о своей бабушке: «Елена Павловна была совершенно из ряда вон выходящая женщина по тому времени в смысле своего образования; она очень любила природу и весьма усердно занималась ботаникой. Будучи на Кавказе, она составила громадную коллекцию кавказской флоры с описанием всех растений и научным их определением. Вся эта коллекция и весь труд Елены Павловны были подарены наследниками ее в Новороссийский университет»²²⁸.

В 1860 году, после смерти Е. П. Фадеевой, в газете «Кавказ» (г. Тифлис) был опубликован посвященный ей подробный биографический очерк, изданный вскоре отдельной брошюрой²²⁹. Установить автора этого очерка пока что, к сожалению, не удалось. По словам дочери Елены Павловны, Надежды Андреевны Фадеевой (1829–1919), он был написан «человеком, близко знавшим ее»²³⁰. Но наше предположение о том, что этим человеком был кто-то из детей или внуков Е. П. Фадеевой, возможно супруг, не подтверждается. В личном фонде писательницы Веры Петровны Желиховской (1835–1896), внучки Е. П. Фадеевой, сохранился экземпляр биографической брошюры с некоторыми рукописными исправлениями, сделанными В. П. Желиховской. Исправления касаются даты рождения Е. П. Фадеевой, сведений о ее предках и других семейных обстоятельствах, о которых члены семьи, конечно, не могли не знать²³¹. Тем не менее автор биографического очерка был прекрасно осведомлен о характере исследовательской работы Елены Павловны и о ее научных интересах. Вот что он (или она) пишет: «... ботаника сделалась любимой наукой всей ее жизни; памятниками этой любви служат оставшиеся после покойной 50 томов собственноручных рисунков растений, которые она сама же и определяла, при помощи библиотеки, составленной из всех занимательных сочинений по этой части. Кроме того, она успела составить богатую орнитологическую коллекцию, часть которой еще при жизни подарила Кавказскому обществу сельского хозяйства. – Минералогическая и палеонтологическая коллекции, а также собрание древних монет и медалей, весьма замечательные во многих отношениях, составляют теперь собственность детей покойной»²³².

²²⁶ Турчанинова А. А. Натуральная этика или законы нравственности, от созерцания природы непосредственно проистекающие / Пер. с лат. Анны Турчаниновой. СПб., 1803.

²²⁷ Lettres philosophiques de Mr. Fontaine et de m-lle Tourtchaninoff. Paris, 1817.

²²⁸ Витте С. Ю. Воспоминания. Т. 1 (1849–1894). М., 1960. С. 19.

²²⁹ Елена Павловна Фадеева. Биографический очерк // Кавказ. 1860. № 72 (15 сентября). С. 426; Елена Павловна Фадеева (Биографический очерк). Тифлис, 1860.

²³⁰ [Фадеева Н. А.] По поводу статьи «Роман одной забытой романистки». Письмо Н. А. Фадеевой // Исторический вестник. Историко-литературный журнал. 1886. Ноябрь. С. 457.

²³¹ Елена Павловна Фадеева (Биографический очерк). Тифлис, 1860 // РГАЛИ. Ф. 197. Оп. 1. Д. 57. Л. 1–7.

²³² Елена Павловна Фадеева. Биографический очерк // Кавказ. 1860. № 72 (15 сентября). С. 426.

Можно сказать, что за свою долгую жизнь Елена Павловна сыграла несколько ролей, каждая из которых раскрывала ее характер с новой, иногда неожиданной даже для близких друзей и знакомых стороны. Так, со времени своего замужества, большую часть жизни, она была супругой крупного чиновника, «первой дамой» тех мест, где им приходилось жить, что подразумевало некоторые обязанности, например занятие благотворительностью. Она, конечно, являлась матерью и воспитательницей своих детей, а впоследствии и внуков, хозяйкой дома, управляющей семейными имениями, когда семья владела ими, поскольку супруг был занят службой. Все это роли обычные и привычные для женщины ее круга. Однако одновременно она была ученой: великолепно образованной, обладавшей обширными познаниями, страстной любительницей естественных наук, прежде всего ботаники. И в этом качестве ее знали и уважали представители научного мира, в то время как остальной мир даже не подозревал о ее необычных увлечениях. В. П. Желиховская заметила об этой «двойной» жизни своей бабушки: «Е. П. Фадеева при всех своих глубоких знаниях и ученых занятиях, была так непритязательна в обращении; так искренна и обходительна со всеми, что многие простые смертные, знавшие ее по годам за ласковую, веселую собеседницу, – иные за прекрасную хозяйку, другие – за хорошую рукодельницу, – все за добрую помощницу, всегда готовую услужить и советом, и делом, часто и не подозревали ее глубоких знаний и ученой деятельности. И наоборот: не раз люди науки, хорошо знакомые с ее кабинетом и разнообразными коллекциями, открывали в изумлении рты, когда нянька вызывала ее покормить ребенка или являлась ключница за наставлениями... Потому-то и сказала я, что мало кто знал ее вполне»²³³. Было ли подобное поведение вызвано истинной скромностью или нежеланием бросить тень на доброе имя мужа, но Е. П. Фадеева действительно никогда не афишировала своих научных занятий перед непосвященными. Охотно принимая в своем доме профессиональных ученых и путешественников, поддерживая многолетнюю переписку со многими из них, пользуясь репутацией серьезного исследователя, она никогда не публиковала никаких научных работ, никогда не выступала публично, действительно стараясь не привлекать внимания к своим научным занятиям, отнимавшим большую часть ее времени и сил. Однако надо отметить, что не только муж Е. П. Фадеевой, А. М. Фадеев, не был против ее научных занятий, но и его близкие друзья и коллеги по работе также знали о занятиях Е. П. Фадеевой. Например, Иаков, епископ Саратовский и Нижегородский (Иосиф Иванович Вечерков)²³⁴, писал А. М. Фадееву 8 декабря 1846 года: «Божие благословение Елене Павловне. Просите ее продолжать в Тифлисе полезные для науки рисунки по делам флоры. Это занятие сделает в лице ее честь русским дамам»²³⁵.

Возможно, что история не сохранила бы никаких следов этой ее деятельности, но усилия ее детей и, даже в большей степени, воспитанных ею внуков воспрепятствовали этому.

Княжна Елена Павловна Долгорукая родилась 11 ноября 1788 года в одной из самых известных российских семей. Ее отцом был князь Павел Васильевич Долгорукий (1755–1837), екатерининский генерал, вышедший в отставку в начале царствования Павла I, в 1796 году, в чине генерал-майора; матерью – княгиня Генриетта Адольфовна Долгорукая (?–1812), урожденная де Бандре. Так получилось, что с самого своего рождения Елена Павловна жила и воспитывалась в доме родителей своей матери, бабушки и бабушки де Бандре, находившемся в городке Ржищеве, неподалеку от Киева. И именно там в 1812 году она познакомилась с

²³³ Желиховская В. П. Елена Андреевна Ган, писательница-романистка в 1835–1842 гг. // Русская старина. 1887. Март. С. 765.

²³⁴ Вечерков Иосиф Иванович (1792–1850) был известен своими работами по истории, географии, археологии Саратовского края. См.: Иаков, архиепископ Нижегородский и Арзамасский. Православие и современность. Информационно-аналитический портал Саратовской и Вольской Епархии // URL: http://www.eparhia-saratov.ru/pages/3257_iakov_arhiepiscope_nijegorodskiy_i_arzamasskiy.

²³⁵ Иаков, епископ Саратовский и Нижегородский. Письмо А. М. Фадееву. 8 декабря 1846 г. // РГИА. Ф. 1100. Оп. 1. Д. 15. Л. 1 об., 2.

Андреем Михайловичем Фадеевым (1789–1867), одним из младших сыновей дворянского рода Фадеевых, мужчины которого традиционно служили в российской армии еще со времен Петра I, хотя и не выслужили особых чинов и наград, и в 1813 году вышла за него замуж. Брак этот был воспринят окружающими как мезальянс. Однако дети и внуки Фадеевых яростно протестовали против подобной трактовки событий, заявляя, что единственной причиной брака была взаимная любовь²³⁶. Прекрасные связи молодой жены, точнее, ее родственников позволили А. М. Фадееву начать гражданскую карьеру (традиционная для его семьи военная служба его не прельщала), которая, как показало будущее, сложилась вполне удачно²³⁷.

Известно, что ко времени знакомства с будущим супругом научные интересы княжны Долгорукой уже были вполне сформированы. По сведениям автора некролога Е. П. Фадеевой, опубликованного в газете «Кавказ» 15 сентября 1860 года, большое влияние на юную княжну оказала некая соседка, помещица графиня Дзялынская, близкая знакомая бабушки Елены Павловны: «Елена Павловна с самого начала полюбила естественные науки и из них в особенности ботанику. Независимо от врожденной охоты к положительному знанию, эту страсть возбудила в ней соседка по имени ее бабушки, графиня Дзялынская. С тех пор ботаника сделалась любимую наукою всей ее жизни...» – пишет автор некролога²³⁸

²³⁶ Фадеева Н. А. Комментарии // Фадеев А. М. Воспоминания Андрея Михайловича Фадеева. 1790–1867 гг.: В 2 частях. Одесса, 1897. С. 24.

²³⁷ Подробнее об этом см. в: Фадеев А. М. Мои воспоминания // Русский архив. 1891. № 2–12.

²³⁸ Елена Павловна Фадеева. Биографический очерк // Кавказ. 1860. № 72 (15 сентября). С. 426.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.